

А. Васильев

Взгляд

Михаил АСЛАМОВ

ВЗГЛЯД

ХАБАРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1979

ББК 47.2.1.2

P2

A 90

A $\frac{70302-60}{M160(03)-79}$ 31-79. 470201200

© Хабаровское книжное издательство, 1979

Мне очень по душе человек по имени Михаил Асламов — добрый, чуть застенчивый, с грустными ироническими глазами. Мне всерьез нравится поэт Михаил Асламов — с того вечера в сентябре 1965 года, когда я впервые прочитал его стихи. Он приехал в Читу на памятный нам всем праздник — совещание молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, как говорится, вольнослушателем. Надо было за ночь прочитать рукопись и решить — будем мы его обсуждать на семинаре или дело ограничится личной консультацией. Утром я начал с разговора о нем и его стихах, потому что работу семинара следовало провести на высоком уровне требований. Асламов вполне годился на роль некоего «эталона» — перед нами был уже определившийся поэт. Его сотоварищам — а некоторые из них стали впоследствии членами Союза писателей — пришлось равняться на него, как на правофлангового.

Он стал поэтом не с помощью прочитанных книг, абстрактных размышлений на высокие темы, ловкого владения искусством версификации. Ему не надо было выдумывать сюжеты или ездить в творческие командировки. Его наукой была сама жизнь во всей ее нелегкой подлинности, а учителями — люди самых разных профессий, с которыми он вместе работал, учился, отмеривал длинные километры дальневосточных дорог. Михаил Асламов обладает двумя самыми ценными для поэта качествами: талантом и биографией. Его учила ремеслу та закопченная, «у кромки моря на кривом мысу» мастерская, о которой он так точно и нежно рассказал в одном из стихотворений.

За внешне непритязательными, наполненными приметами быта строчками у него почти всегда — мысль, находка. И, конечно же, высокая поэтическая культура.

Прекрасно, что у него есть в поэтической работе вечно юная помощница — улыбка. Даже когда он говорит с читателями о вещах трудных и горьких.

Сегодня Михаил Асламов как бы на перевале: пятьдесят лет это, что бы там сверхоптимистическое не насочинять, солидный возраст. Я думаю, что поэтическая старость ему не угрожает и вряд ли с возрастом придет к нему то «позорное благоразумие», о котором говорил Маяковский. Есть крепкая зрелость, к счастью поэта не добавившая ему эдакой сытой солидности. Это — предзимье, «когда невозможно помыслить о злобе и мести, но можно неложно подумать о долге и чести».

Во всем, что сказано выше, меня убедила книга, которая сейчас перед вами. Мне она нравится, и даже очень. Одни читатели сойдутся со мной в оценке его творчества, других книга оставит равнодушными, кто-то вообще ее не примет. Смею вас уверить, так происходит с каждой стоящей книгой подлинного поэта. Ведь если он — подлинный, то обязательно смотрит на вещи по-своему, у него свое мироощущение и своя манера общения с людьми через строчки. А своеобычность порой раздражает, стандарт воспринимается куда легче и проще, но если наличествует стандарт — нет поэта.

Читателей должно убеждать не предисловие, а сама книга, поэтому, высказав свое личное отношение к Михаилу Асламову, я ухожу с этих страниц. Теперь слово — ему.

Марк СОБОЛЬ

ХРОНИКА ПАМ'ЯТИ

СТОРОНА ДОРОГАЯ МОЯ...

Сторона дорогая моя, это ты ль?..
Здесь, где дождики мыли полынный пустырь,
Вместо изб-вековых скособоченных,
Совершенство домов шлакоблочных.

Все, что было, то сплыло, как смыла река...
Из-под наимоднейшего козырька
Клуб — преемник бараков прогорклых —
На окрестность взирает с пригорка.

И поселком родным я брожу, изумлен.
Только столб телеграфный от старых времен —
Долгожитель, безмерно уставший,
С поперечинкой, косо свисавшей,

На подпорке стоит инвалидом седым.
Я-то помню,

я помню его молодым!
Возбужденный струной напряженной,
Гулким раструбом вооруженный,

Он на всю-то округу и пел, и вещал,
И на тайные думы людей отвечал —
Над толпою, где хлебный ларечек
(Жив ли муж, а у этой — сыночек...).

И старухи, не веря уже в ворожбу,
Стариков выгоняли: сходил бы к столбу!
И стекалось от шатких крылец
У столба поселковое вече.

А слова — точно гири в толпу со столба!
И стонала от тяжких ударов толпа.

И стонала, и губы смыкала,
Так, что гневом душа закипала.

А потом — а потом ликованья слова!
Словно птицы из щедрого рукава!
Победителей памятный митинг...
Вот какой этот столб знаменитый!

Столько видеть и слышать ему довелось!
Видно, время в его сердцевине спеклось —
Коль уж дожил он до новоселов,
Не в пример одногодкам веселым.

А к столбу вдруг лихой сорванец подбежал,
Он в руке круглый камушек крепко держал —
И пристукнул не больно и глухо
По столбу и приник к нему ухом.

Стукнул снова и снова, чтоб гул не затих.
Изумление пылает в глазах голубых,
Словно с ним собеседник занятый
Говорит, да язык непонятный.

— Что там слышно? — я спрашиваю
врасплох.

Он глядит отрешенно, как будто оглох,
Или чем-то плохим укорили...

— Почему этот столб не спилили?

— У него и спроси, он и сам не немой, —
Я ответил.

А он мне: — Ты хи-и-трый какой!
Ты волшебник?

— Ну, да. Настоящий.

Покровитель столбов говорящих...

На первом всплеске вдохновенья,
Почти с умением говорить,
Как снизошло,
 пришло умение
Тугие луки мастерить.

И в весны светлые и полые
Скворцам вдогон из-за ствола
Взлетала радостная,
 подлая,
Неотвратимая стрела.

И птицы горько крылья вскидывали,
Уже предчувствуя конец.
За что мне сверстники
 завидовали
И крепко драл меня отец.

Вот так творил я зло безгрешно.
Теперь, сквозь призму горьких дней,
Мне все понятней...
 А скворечни
Я мастерил уже поздней.

ПОМОЩНИК

Июль пьянящ, как медовуха!
И солнце рыжее в зенит
Уже взбежало,
 а над ухом
Комар назойливо звенит.

Ногам и горячо, и колко,
И словно угли на спине...
Нам с мамой некогда — прополка,
И это так понятно мне!

Я тяткой взмахиваю споро,
От мамы я не отстаю.
Вот жалко, что обед
не скоро,
А я немного устаю.

А мама, видно, есть не хочет,
Платок у мамы пропотел...
— Ты б влез на дерево, сыночек,
Да мне бы песенки пошел.
Уважь...

И, отдохнувши малость,
Взялась за тяпку. Я ведь мал,
Чтобы понять, что это — жалость,
Я все за правду принимал.

Пою на дубе высоченном,
Добро, что рядом — никого.

Хочу, чтоб маме
 облегченье
От пенья вышло моего.

Про «штурмовые ночи Спасска»
Пою — как будто бы полю!
А сам гляжу,
 гляжу с опаской:
Не больно ль весело пою?

**Я в песни вкладываю душу!
А маме некогда смотреть.
И песни глуше, глуше,
глуше...
И вовсе расхотелось петь.**

— Что кончил? Надоело, видно?..
— Угу. —

Пылится полоса...
Смотреть мне почему-то стыдно
В родные, добрые глаза.

Какое веселье, бывало,
Звенело под сенью лесов,
Когда к пристаням прибывало
Измотанных морем ловцов!

Гулянье!

Приятнее слуху
Словцо подобрать нелегко...
Уже наварил медовуху —
Рыбацкая теща — рыбкооп.

Ловцы в окружении свиты
С утра —
 под привольную сень...
Заходятся птицы от свиста,
А моря не слышно совсем.

А моря не слышно, не видно,
Дай бог ему, черту, сгореть!
И ластятся жены бесстыдно,
Да нам не пристало глазеть.

И кружкам, бунтующим мутно,
Легко в захмелевших руках!
Плывет разговор сухопутный,
Как солнышко в синь-облаках.

Но, словно бы волны у мола,
Шумит растревоженно бор —
И снова вторгается море
В неспешный мужской разговор:

Одних — ну чуть-чуть не разбило
О скалы у Бычьего лба,
Другого — так с палубы смыло!
Такая идет похвальба.

А бондарь, кривой и припухлый,
От зелья хмельного сердит,
— Без бочки-то рыба протухнет,
Протухнет! — упрямо твердит.

И кто-то, ручищи раскинув,
Уже задает храпака...
Ах, краток же праздник
в путину,
И море зовет рыбака!

Оно колобродит опасно,
Призывно грохочет волной...
И слышится где-то:
«На-прасно
Старушка ждет сына домой...»

КУРОК

Падь глухая — пастью злобной
Между двух клыкастых гор.
Что ни шаг — рычит утробно,
Чтоб пройти — имей топор.

Места гиблого такого
Еще надо поискать...
На селе у нас
Курковой
Называли эту падь.

Все чащобы да коряги,
Ни тропинок, ни дорог...
Там, считали, жил бродяга
По прозвищу Курок.

Как он жил и чем питался —
Неизвестно. Знали — вор.
(Но ни разу не попался
На разбое до сих пор!)

И родители пугали
Нас, отбившихся от рук,
Чтоб туда не забредали:
Попадётся и — каюк!

Нам же виделось, как точит
Он на камушке ножи,
Как бредет он темной ночью
Зарабатывать на жизнь...

Как-то бегали ватагой —
То-то сладко босиком! —

Видим вдруг: бредет бродяга
Из Курковой напрямиком.

Ближе, ближе...

Мы застыли:

Лохмы. Кожа — точно ржа.
А ручищи — подзатыльник
Успокоит без ножа!

Ножны сбоку — вор, известно!
По всему и впрямь — Курок.
Но с пугливым интересом
Ждем, готовы наутек.

Это сколько ж он не брился
С воровской своей тоски?..
Вот и он остановился.
— Что глядите, варнаки?..

— Ах вы, детки-малолетки! —
Вдруг хитро повеселел.
Ловко срезал с вербы ветку,
На валежину присел.

Вот уж видим: стружит, режет,
Острым ножиком слепя,
«Из-за острова на стрежень...» —
Напевает про себя,
Так похожий в ту минуту
На обычных стариков...

Как селу досталось круто
От мальчишеских свистков!

Детство — старое кино,
Фильмик без сюжета.
Это было так давно...
Как все было это?!

С кем — с тобой или со мной?
Летом иль зимою?..
Детство — словно за стеной,
За большой войною.

За войной-то, за войной,
Но крутым обвалом
Проводок его живой
Все ж не перервало.

Вот сижу я как-то раз,
Занимаюсь делом,
А во мне — неровен час! —
Что-то вдруг запело.

Заседание... Бюро!
Тут же, мать честная,
Из души сверлит нутро
Песенка смешная:

«Чемберлен большой чудак,
Радиолюбитель.
На ночь ставит под кровать
Громкоговоритель...»

И поплыли — так чисты! —
Кадры, на которых —

Огнегriвые кoстры
Пионeрских сбoров.

Как звeнeли в тишинe
На лeсной опушкe
Политическe
 вполнe
Зрeлыe частушки!

«Мы нe знaем слoвa «ложь»
И глагола «пpeдал»!..»
Слышу:
 — Ты чeгo поeшь? —
Шeпотoк сoсeдa.

И очнулся... А вoкруг
Чтo-тo вpoдe прeний.
Виднo, слyшать недoсуг
Им o Чeмбeрлeнe.

Я тeпeрь ужe — мoлчoк,
Ибo бyдeт сквepнo.
Сбoкy шeпчeт oстрячoк:
— В дeтствo впaл, нaвepнo...

Чeртa с двa! Нe yгaдaл...
А дpyгoй мнe: — Выпил?..
Плoxo, eсли в дeтствo впaл,
Хyжe — eсли выпaл.

Так чтo, милый мoй oстряк,
Жaлишь ты нe бoльнo...
Былo так или нe так —
Тoчнo я нe пoмню.

Дочери Даше

Коль музыка юному чаду
Сердчишко всерьез бередит,
То значит — и стоит, и надо
Нырять с головою в кредит.

Даешь пианино! Играй-ка
Средь ночи и белого дня!
И вспомнилось,
 как балалайка
Учила искусству меня.

Особой игрой не сверкал я,
Способностей бог не ссудил.
«По диким степям Забайкалья...»
Я все же на ней выводил.

Не весть что, а все же музыка!
Бренчишь себе на ветерке...
Хотя и немногоязыка,
Зато — на родном языке.

Но главное — не в инструменте
(Пусть вышел из моды уже...),
А дело
 в особом моменте,
А значит — по сути — в душе.

Мудреный
 иль так, немудрящий,
Но сердце покорно замрет,
Когда он светло и щемяще
«Про родину что-то поет».

Напомнит игрой безыскусной
Все то, что успели забыть,
Уча нас
 большому искусству
Родимую землю любить.

ДЕВОЧКА

Ах, толчея базарная,
Водоворот страстей!
Кипит толпа азартная,
Как ворох новостей.
Торгуют спелой ягодою
Трудаги-торгаши —
Выдумывают
 тяготы,
Сшибают барыши.
Иду торговой линией
Сквозь крик и смехопад...
Девчонка
 тонкой лилией
Среди цветастых баб.
А у нее в ладошках
Бумажные кульки,
По-взрослому
 дотошно
Считает медаки.
А у нее
 клубника
Рассыпана в тазах,
А у нее
 грустинка
В застенчивых глазах.
Глядит она задумчиво,
Торгует не спеша.
И говорит заученно:
— Берите, хороша...
Беру на пробу: — Верно,
Клубника — высший сорт!..

Вдруг рядом голос:

— Ведьма!

Чего раскрыла рот?!

И тетечка мне гильзой

Отстрелянной шипя:

— Горстями?

Постыдился б

Обманывать дитя!

Пылает, словно факел...

Я деньги подаю.

— Ей — в пионерский лагерь, —

Я тете говорю.

А девочка покорна,

Работа не игра...

А ночью будут

горны

Ей сниться до утра,

Над злым

благополучием

Отрядный сбор трубить...

Эх,

торговать научится,

Разучится дарить!..

ТЯНИГУС

Это слово я не в словарях откопал.
С этим словом тяжелым, бывало,
Словно с камнем на шее, я в сны утопал
И всплывал, когда солнце всплывало.

Это слово запомнил я памятью ног.
Сколько с матерью мы исходили дорог!
И военных — голодных, плакучих...
Вот бредем — я за нею плетусь, как щенок,
За плечами на лямках — с картошкой мешок —
Это значит, что жить будем лучше.

Километры дорога идет на подъем.
Мать, меня, бедолагу, жалея,
— Потерпи, — говорит, — вот тянигус пройдем,
А под горку уже веселее...

А тянигус все тянется вверх, как змея,
Извиваясь, а ноги не держат...
Он всю ночь еще будет тиранить меня,
Чтобы завтра держался я тверже...

А когда я учился — и вспомнить смешно! —
Это слово и слепо, и куцо
Вдруг всплывало, немислимое оно,
Средь
тригонометрических функций.

Скажут — «тангенс»,
и сразу — «тянигус» — всплывает,
Словно боль сквозь ученую книгу...
Может быть, математика примет в расчет
Эту функцию жизни — тянигус?..

Вот так однажды,
 сумраку назло,
С того и начал ремеслу учиться,
Что прежде окна
 высветлил тряпицей,
Чтоб с солнцем побраталось ремесло.

Война в начале только.

Я в тылу —

Неопытный еще, неогрубелый.

Но — фронтовик, оттуда,

самый первый,

На костылях проходит по селу.

А помнится, был вздорным мужиком!

И до войны среди ловцов бывалых

Всерьез не принимался.

«Поддувалом»

Его дразнили. Был он печником.

На перевозданной белизне зимы

Казался он подбитой серой птицей.

Смотрел, не узнавая, в наши лица...

Он явно знал, чего не знали мы.

И вроде стал он приходить в себя,

В кругу односельчан у скудных рюмок.

Но, волосенки сына теребя,

— Я ВИДЕЛ смерть, —

сказал он вдруг угрюмо.

И смолкли все. И, чем-то смущены,

Ловцы, не раз гостившие у смерти, —

Они в глаза ему

смотреть не смели.

— Он видел СМЕРТЬ! — шептались пацаны.

СЫНЫ

Какие мне, бывало, снились сны
Военною зимой перед рассветом!
В них таяли на языке конфеты
И мучило предчувствие весны.

В них я парил над бездной, невесом,
Когда вдруг, сотрясая мирозданье,
Гудок врывался в мир без опозданья —
И чашкой об пол разбивался сон...

«Вставай, сынок», — зовет чуть слышно мать.
«Пора, работник!» — слышу глас отцовский.
И в полусне тяну к себе спецовку,
И покидаю сладкую кровать.

И, окунаясь в новую беду,
Я правлю фронт на карте из картонки.
Лепешки из мороженой картошки
Сует мне мама в руки на ходу.

Метель метет — ни тропок, ни дорог!
К людской цепочке я бреду сквозь темень...
Обрадуюсь, идя в ряду со всеми,
И успокоюсь, запустив станок.

Мы точим мины — фронтовой заказ.
И про себя я начинаю думать —
Прикидываю, сколько может «сдунуть»
Фашистов мой один такой фугас.

Подсчет меня ужасно веселит!
Насвистываю что-то вдохновенно...

Но — как длинна ты,
 фронтовая смена!
И гнет она, и плакать не велит.

Но плачу я. В том нет моей вины,
Что щи пусты, а сам я — не двужильный!..
Вот так они, мне помнится,
и жили,
Твои, Россия, малые сыны.

ПОДМОСТКИ

Мне первый токарный станок
Никак не хотел покоряться:
К зажимам
 в мои-то тринадцать
С трудом дотянуться я мог.

И видя, что мал я и квёл,
Завхоз сколотил мне подмости —
И с тем недотепу-подростка
Во взрослость достойно возвел...

Война ненасытный обряд
Творила кроваво и слепо.
Ей — вроде насущного хлеба
Сработанный мною снаряд.

Я раньше других уставал,
Был слабым, за то — не взыщите.
Но Родине был я защитник,
Когда на подмости вставал.

Мне ночь после смены — провал,
Как будто вконец обескровлен...
Но был я
 со временем вровень,
Когда на подмости вставал.

Ах, Петька!

Кто подумать мог бы,
Что изведет его война!
Как гордо
ГТО и МОПРа
На нем сверкали «ордена».

Другого не было в округе
Такого же весельчака...
Война.

Пришел он одноруким
И нервно дергалась щека.

Но жив!

В системе общепита
Он без убытков торговал.
Но что-то было в нем
убито
Войной проклятой наповал.

И все, что раньше в Петьке пело,
Теперь стонало и тряслось.
«У, язвы! Вас туда бы, в пекло!» —
Срывал на бабах Петька злость.

А бабы вслед ему рыдали,
Когда селом он проходил.
И все казалось:
не медали —
Осколки звякали в груди...

Текли
 эвакуации
Сквозь зиму поезда...
Вдруг —
 трелью с вариациями
Песенка дрозда!
Откуда она, чистая,
На станции, зимой?..
Но весело
 насвистывал
Скворчонок расписной!
— Эх, спойте,
 птицы вешние, —
Приплясывает дед, —
Те песенки
 безгрешные,
Каких на свете нет! —
Он дует в них,
 он будит в них
Певунью-струну...
И люди
 в том небудничном,
Весеннем плену
Притихли, изумленные:
— Ну и артист!..
Уходят
 просветленные,
С собой уносят птиц.
И дед уйдет...
 А с вечера
До утренних зарниц

Из глины,
 звоном меченной,
Лепить он будет птиц.
Опять избу скрипучую
Минуют ночью сны...
Живет
 душа дремучая
Предчувствием весны.
Под всхлипы ночи
 горестной,
Назло тебе, печаль,
Дед будет
 в чистой горенке
Птиц песням обучать.

ЧЕРЕМУХА

Брату Алеше

Над сопками и над слияньем рек
Всходило солнце, рассыпая радуги,
И зернышком в прозрачной виноградинке
Угадывался в утре человек.

Вот мостиком прошел он над рекой...
Он что-то нес: оно белело, пенясь.
Легко сбежал с пригорка,
 подбоченясь —
Так неуклюже! — правой рукой.

Он подходил — и смог я различить:
Черемуху он нес, по-детски кроток,
Так нежно и с опаской,
словно кто-то
Хотел его с букетом разлучить.

Он в левой нес. А правая, была...
Да у него и не было-то правой:
Рукав пустой был под ремень заправлен...

Ах, как в тот год черемуха цвела!

С нелепо укороченным плечом
Шел человек. Он явно волновался.
Он будто открываясь, улыбался
И припадал к черемухе лицом.

Шел у домов, охрипших от забот,
Ларек минуя, голубой, как небо,
Где очередь ждала угрюмо хлеба, —
С черемухой.

На солнце.

На восход.

И были удивительно легки
Его шаги. И — набекрень фуражка.

И женщина в толпе

вздыхала тяжело

И все глядела вслед из-под руки.

Смотрели дети, вдовы, старики —
Так удивленно, будто бы впервые
За всю войну

ликующе живые

Черемуха роняла лепестки.

ХРОНИКА ПАМЯТИ

I

Вспоминаю ту беду...
А беда была такая:
Вдруг сгорела мастерская
У поселка на виду.

Прахом все пошло, золой.
Крыши нет, остались стены.
И поземкой
 год военный
По-над стылою землей.

Говорил без лишних слов
С нами начполитотдела:
Дескать, надо
 «дело делать»,
И еще, что «фронт ведь ждет!»

Хоть и мал, беру в расчет:
Жди, пока накроют кровлю,—
Фронт за это время
 кровью
В ожиданье истечет...

Под рукой станок поет,
Он поел и сыто дышит...
Хорошо б, конечно, крышу,
А на бедность — доппаек.

По еде затосковал,
Зазевался — и в науку
«Приварил» к металлу руку —
Пальцы с кровью оторвал.

Мастер — ма-астер пожалеть!
Дал картошину: «Пожуй-ка!»
Греет белый свет
 «буржуйка»,
Да не в силах отогреть.

Эх, беда и есть беда!..
Вот уж лампой вполнакала
Удивленно засияла
Вега — странная звезда.

Может, где-нибудь в окоп
К брату старшему заглянет?
Может быть, на нас
 вегяне
Смотрят в сильный телескоп?..

И смотрю я на звезду...
В пору выплакать обиды,
Да не вправе
 слабость выдать
У Вселенной на виду.

II

Мальчишка спит.
Как будто на лету,
Уже вконец измученный полетом,
Он выпал все же
Из круговорота
На крышу «Фотографии»
В порту.

Спит пассажир.
Фонарный зыбок свет.

И над землей —
Туманно и тревожно.
И сны его туманны,
И надежно
Зашит в подкладку пиджачка
Билет...

Медлителен в круженье
Шар земной,
А крепко же мальчишку укачало...
Под чье он попадет теперь
Начало?
Он,
Рассчитавшись с мировой войной?..

Край неба начинает розоветь.
Пусть он поспит
Перед дорогой долгой...
Как гонит жажда
Вновь вгрызаться в догмы
И жадно в рот учителю смотреть!

Вот отдал —
И не дрогнула рука! —
Он за билет
Свое «пшено» на рынке...
То не над ним
В порту рыдает
Рында.
Но — бог храни
Подкладку пиджака!

III

Походкою валкой из бухты
Уходят на лов сейнера...

[illegible]

Не то ли мне душу печалит,
Что так же вот, мал-человек,
Как сейнер от пирса,
отчалил
От детства, но только — навек?

Хочу напроситься на жалость?
Но мне ль обижаться на то,
Что куцее детство досталось?!
Война
обрубила швартов.

Спасибо, что чашею бедствий
Судьба меня не обошла...
А в памяти кружится детство,
Как лодочка
без весла.

И кружит ее, и заносит —
Такая большая вода! —
Из ранней весны
да и в осень,
Как это и было тогда.

И волны вздымаются круто,
И ветер призывно свистит,
И выпелом,
сорванным с юта.
Прощальная чайка летит.

ТАНЦЫ

Потушив мировые пожары,
Жарким пламенем битв опален,
По пути
 из соседней державы,
К нам в поселок вошел батальон —

Отдохнуть и водицы напиться,
Чтобы снова с рассветом в поход.
И, непраздным влеком любопытством,
Потянулся поселком народ...

Ветерком среди зрителей смутно
То ли смех, то ли вздох, то ли стон...
Но рассыпался вдруг
 баламутно
Перламутровый аккордеон!

Вот разведку, как перед боем,
Перебором солдат завершил —
И сердечное что-то такое
Тихо пальцами заворошил.

Разом — словно прибавилось света,
Точно облако с солнца сошло!
И танцоров
 на круге заветном
Закружило уже, понесло...

Были бабы тихи и покорны,
Всю войну отходяв в мужиках.
Были платья заметно просторны,
Всю войну отлежав в сундуках.

Но мелодия даль растворила —
Веселей, музыкант, веселей!
Хоть ждала еще тетка Мария
Трех пропавших в дыму сыновей.

Но взлетали крылатые платья!
Хоть еще
 под высокий аккорд
Сквозь мелодию стоном и плачем
Пробивалась великая скорбь.

Ах, как все
 разучились смеяться!
Ох, мутна в половодье вода!
Ей еще предстоит
 отстояться.
Отстоится еще. Не беда.

РАЗГОВОР

Ребятя, удобнее устроясь,
Как-то непривычно успокоясь,
Слушает с доверчивостью повесть —
Очень удивительную повесть.

Говорится в ней о странном детстве,
О таком, что не поверишь сразу:
Будто плыло детство
 морем бедствий
И взрослоло, не дослушав сказок.

Шли в солдаты папы,
 злые вьюги
Их пути-дороги заматали.
Следом детство уходило в юнги
И к станкам горячим прикипало.

И его картошкой мороженой
Мамы перед сменами кормили...

Тут девчонка трубочку-пирожное,
Позабывшись, на пол уронила:
Интересно — лучше всякой книжки!..

Встал рассказчик, снова молчаливый.
Смотрят восхищенно ребяташки,
Меж собою шепчутся: — Счастливый!..

ПЛАНОВИК

Та давняя пора
Авралов и запарок:
В ходу — выговора
И перегибы палок.

Полмесяца плюем
Мы в потолок — не жалко!
Полмесяца — «куем»,
Да так, что небу жарко!

Так штурмовщина нас
Трепала год от году,
А мы — рабочий класс,
Нам подавай работу!..

Ах, этот плановик,
Чудак по кличке «Циркуль»!
Он был для нас на вид
Смешней Попова в цирке.

Мы требовали жертв,
Суровые, как боги!
Он приходил — как жердь,
Сухой и длинноногий.

И слушал нас молчком,
Покачиваясь горько.
И по цехам — волчком:
Простаивает сборка!

Просил, кричал, стращал:
Детали нам, детали!

И полы от плаща
По-демонски витали.

Глядишь, опять домой
Уйдет он поздно-поздно,
Когда над головой
Уже заблещут звезды.

Ругай его, жена!
Все это верно, верно...
А на земле весна
И ветер пахнет вербой.

Бегут, мелькают дни,
Как на толкучке лица.
«Как выросли они!» —
Он детям удивится.

Усталость — наповал,
Размягший, как вареник...
Жестоким был накал
Поры послевоенной!

А кто, скажите, мог
В ту пору жить иначе?..
И кто-то пережег
Себя в страде горячей.

Мы вспомнили о том,
Печальась — не печальсь,
Когда с плановиком
Уже навек прощались...

ЛЕЙТЕНАНТЫ

Гарнизонным начальством отпущены
Лейтенантам счастливые дни!
Гарнизоны богаты
 пушками,
А девушками вот — бедны...

Рада, рада столица районная
Лейтенантов своих привечать.
Будет клуб
 на волне радиоловой
Допоздна лейтенантов качать.

Пусть всего-то
 по звездочке воздано
Молодым, неокрепшим плечам,
Но зато
 генеральскими звездами
Полыхать им в глазах у девчат!

А в гостинице
 на молоденьких
Все дежурная грустно глядит
И зовет лейтенантов
 «Володеньками»,
Память в сердце своем бережит.

Будто видит:
 заходит он в горницу —
И смятение в сердце и страх!
А в петлицах — по треугольничку
И по чертику — в синих глазах.

Но споткнулся Володя
на Оudere,
Наступающих рот впереди.
Нет, нету Володи...

А вроде бы
Это он прокричал: «Выходи!»

И уходят...

Ах, как они веселы!

И натянуты, как тетива!

И смешно:

«Упаси от агрессии», —

Командирская шепчет вдова.

БИРА

Виктору Астафьеву

Засмущаюсь в дороге прогонной,
Словно что-то исполнить пора,
Всякий раз, как в окошке вагонном
Обозначится имя — БИРА.

Что исполнить — давно мне известно,
Потому и смутилась душа,
Что и ныне вот
данную местность
Проскачу, неприлично спеша.

И опять за делами своими
Позабуду ее вдалеке,
Вспоминая короткое имя
В подорожном казенном листке...

Вот нагряну, надеялся, в отпуск,
Похожу от крыльца до крыльца,
Феофана Асламова отпрыск —
Может, кто-нибудь помнит отца?

Кто там помнит? Прошло
столько лет уже,
Он тут пожил — как будто в гостях:
Рвался к морю, да баба
последышем
Разрешилась в пути, второпях.

Ах, отцы!
Точно шанежка сладкая,
Тяга древняя к дальним краям...

Становились нам станции
бабками
Повивальными, их сыновьям.

Как там было, в предпамятной дали?..
Но я знаю: как только могли,
Эти станции нас
обряжали,
Эти станции нас
берегли.

Всем, что было, умели делиться.
От душевной своей доброты
Теплым мякишем в чистой тряпице
Затыкали голодные рты...

На перроне стою виновато,
Словно ласкою мать обделя...
Сладко-сладко
мазутом и мятой
Пахнет раннего детства земля.

Вот и колокол вызвонил зычно
Отправленье.
Составу вослед
Покачнулась Бира, словно зыбка,
Из которой я выполз на свет...

БАГУЛЬНИК

Памяти Степана Смолякова

I

Я жду весну.

Она свое возьмет —

И, вьюгами освищенный огульно,
Встряхнется и потянется багульник,
И кулачки тугие разожмет.

Меж липких пальцев,

смелость обрета,

Цветок пробьется, розоватый иссиня,
Все слабостью своей

взывая к истине:

Пусть торжествует в мире доброта!

II

По белому — проталины небрежно,

И повлажнела старая ветла...

Весну я призываю,

будто снежность,

Само собою, есть синоним зла.

Снег — это ж замороженная нежность,

Которой так не достает тепла!

Тепла, чтоб стать, чем есть:

живой водою.

Она напоит землю — и в ответ

Земля вздохнет всей грудью молодою

И выдохнет подснежники на свет!

Ребенок срежет первую свистульку,
Забродит сок в багульнике живей...
Весна уже — и солнце, как в сосульках,
Блестит в глазенках дочери моей.

III

Я, окунувшись в утро, не пойму:
На свете что-то важное случилось,
К хорошему все как-то изменилось...
И ахнул:
сопки в розовом дыму!

Зарю ли пролил на землю восток?
Иль в этом мире, спящем неудобно,
Нашелся некто,
радостный и добрый,
И от зари светильники возжег?

Светильники — без края и конца!
Как вечные огни в зеленых чашах —
Всем,
за добро замученным и павшим...
И на могиле моего отца.

IV

Расцвел багульник, бледнолик и скромн,
И на могиле моего отца.
Сруб ставил мой отец — да так и помер,
Не уложив последнего венца.

Топор дрожал, в бревно на палец всажен,
Хозяина с обеда ожидал...

Он не отмечен в подвигах отважных,
Хоть топором добро он утверждал.

Не топором — чтоб кровь на острие,
А топором — чтоб избы на земле!

Изба. Мой дом.

Над детскою кроваткой —
Любимая, дыханье затая.
А за окном, светло и неохватно,
Немереная Родина моя!

Вот так и жить — чтобы любить и слышать
Дитя родного тонкий голосок,
Оберегая под родимой крышей
Своей по крови
Родины исток.

Недаром же родитель ставил избы
По всей округе, щедро и любя:
Коль нет избы, то значит — нет Отчизны.
А нет Отчизны — значит, нет тебя.

V

Смешно:

я дому в верности клянусь,
Как будто потерять его боюсь,
На шею камень — кануть в мир бездонный.
Как будто мало на земле бездомных...
А может, вправду — потерять боюсь?

Бездомным был.

Бездумностью ведом,
Суденышком бродяжил беспечально.

Понадобилось все-таки причалить...
Нет, должен быть у человека дом!

Пока я в мире яростно кружусь,
И плачу там, и радуюсь пока там —
Горит окно — встревоженный локатор:
Не затеряюсь и не заблужусь.

Земля-планета!

Дорога ты мне
Тем, что на свете есть моя Россия.
Тем, что в России — звездочкой-росинкой —
Есть этот дом и свет в моем окне!

VI

...Не уложив на сруб венец последний,
Ушел отец под горькое: «Пора...»
Остался сын — кровиночка,
наследник, —
И ржавчина не тронет топора!

Как терпко пахнет, как щемяще хвойно
В день памяти вечнозеленый куст!
Как жизнь сама,
в которой — труд и войны,
И все-таки — счастливая на вкус.

Хорошо, как отстоится
Тишь в родительском дому,
Не пугая половицы,
Из сеней шагнуть во тьму...

Ах, как в небе полупночном
Густо высыпало звезд!..
Вспомню
 в мире непорочном
Все знакомое до слез,

Что в пути необратимом
Годы выжечь не смогли.
Станет сердцу ошутимей
Притяжение земли.

Будто, слепо ткнувшись в вечность,
Повернуло время вспять...
Можно здесь
 любую млечность
По звезде пересчитать.

Эти звезды с неба слижет
Ветра белого поток...
Может, вправду,
 к небу ближе
Сердцу милый уголок?..

Мы попутчики. Мне незнаком
Молчаливый купейный сосед мой.
Он шуршит одиноко газетой,
Человек с бухенвальдским значком.

Оказавшись потом остряком,
Улыбаясь вставными зубами,
Анекдотом меня позабавил
Человек с бухенвальдским значком.

Он смеется надрывным баском,
От сухого заходится кашля...
А о ТОМ —
 не проси, не расскажет
Человек с бухенвальдским значком.

Он огонь высекает молчком
И к нему припадает, прищурясь, —
Табаком свою память врачует
Человек с бухенвальдским значком...

ВЕТЕРАН

Вот он идет —
И шаг его тяжел,
И палочка стучит по тротуару.
Глазами провожу:
Какой он старый!..
А он вослед:
— Ты в гости бы зашел...

Глазами провожу —
И не смогу
Себе представить —
Тщетные старанья! —
Его, другого,
Под Июнь-Коранью,
Пред смертью и победой на снегу ...

А он живет,
Давно уж одинок,
Среди вещей немодных и потертых.
Но как светло душе
В той комнатенке,
В той, где на стенке —
Именной клинок.

Он вспоминает —
И опять метель
Метет
Из февраля двадцать второго,
И пулемет,
Убийственно толковый,
Выплевывает тысячи смертей.

И комиссар,
Наткнувшись на струю
Свинца слепого,
Падает, слабея...
И я опять,
Мальчишески робея,
Лицом к лицу
С гражданскойкою стою...

История тачает опыт свой
Не из воздушных, все-таки, иллюзий...
Шагают ветераны революции,
Выстукивая чутко
Шар земной.

Офицерский «подарочек»
Молча в сердце приняв,
Умирал комиссар в ночи,
Ковыли кровеня.

А из звездного сонмища
Покатилась одна...
Жизнь, беспмятно стонущий,
Допивал он до дна.

Не разыщут товарищи —
Не помочь, не помочь!
И над ним, умирающим,
Скорбно плакала ночь.

Он на миг только вынырнул,
Чтобы в смерть — как в реку:
По-над степью ковыльною
Плыло: — Ку-ка-ре-ку!..

Горячо и просительно
Трепетал голосок,
Словно шаткий, спасительный
Под ногою мосток...

Пел петух — как выпытывал:
Есть ли жизни предел?
И до сердца убитого
Докричаться сумел.

И до твердого берега
Через смерть проводил,
Чтоб тому офицеру,
Комиссар отплатил.

ОДУВАНЧИК

Во что играет этот тихий мальчик?
Наверное, «в себя» играет он,
Когда срывает
 легкий одуванчик
И обдувает с четырех сторон.

И кружится тычинок рой несметный,
Не в силах невесомость одолеть...
Несметно их, а потому —
бессмертен
Веселый одуванчик на земле!

Заманчива судьба его, заманчива:
Вновь по лугам взойти и по лесам...
Играет мальчик.
И от одуванчиков
Седым-седа могила партизан.

В ночь, беззвездную, как бездна,
Снова вспомнил об отце...
Долго с ним перед отъездом
Просидели на крыльце.

Был еще он вроде б в силе,
Сладко трубочку курил.
Говорили, говорили...
Больше я все говорил.

Мне б тогда припасть сердечно:
Батя, мол, благослови!
Ну, а я ему — про вечность,
Про учености свои.

Меж речами златоуста
Уловив, однако, брешь,
Он сказал мне грустно-грустно:
— Ты, сынок, побольше ешь.

А не то, — добавил хмуро,
Прядь седую беребя, —
Эта самая культура
Паром выйдет из тебя...

Ну, молот я — вспомнить стыдно!
Больно метят нас года!
Он-то жил, хоть и несытно —
Не бахвалясь никогда.

Ставил срубы — глянуть любо!
Бога попусту не клял.

Сколько помню, словом грубым
Никого не оскорблял.

И воспитывая сына,
Сам поднявшись из заплат,
Не жалел он керосина
И других каких затрат.

Так и жил — не для парада,
А для жизни в трудный век,
Потому как он взаправду
Был культурный человек...

Ночь замыла деревеньку,
Затуманила лицо...

...Поднимаюсь по ступенькам
На отцовское крыльцо.

Теряется юность в туманах,
Неясной звездой становясь...
Но стоит
 затронуть баянам
Военного времени вальс —

И вновь
 молодым однолюбом —
Отцовский пиджак на плечах —
Пройду я к рыбацкому клубу,
Подковками гулко стуча.

Висячая лампа с простенка
Мигнет и прибавит огня,
Рыбачка —
 нарядная Ленка —
Смущаясь, окликнет меня.

Я вспыхну от радости жгучей,
И тут же ее приглушу.
И Ленку
 на танец летучий
Пред публикой всей приглашу.

И словно бы так, между прочим,
Скажу невпопад,
 что люблю,
И снова ботинком рабочим
На Ленкин сапог наступлю.

И только с последним аккордом
Оставляю я Ленку-красу...
Уйду
из военного года
И светлую грусть унесу.

ЗЕМНАЯ ОСЬ

Не покоя хочу,
Но — спокойствия,
Не пристало вприпрыжку бежать.
Словно в пору вступил
В сенокосную —
Научиться бы косу держать!

Чтоб косилось легко,
Недокучливо,
За прокосом прокос
По росе.
Чтобы строчкою —
Травы пахучие...

Ах, как косят у нас по Руси!

Если жидок в кости —
С тебя проку нет,
Не годишься напарником в ряд!
И гуляет коса
Рыбой-окунем,
И рубахи на спинах парят.

Так идти б неторопко,
Но споро,
До полудня,
А после — до звезд...
И —
Какие уж тут разговоры.
Если время пришло —
Сенокос!

МАСТЕР

Вкусил я рано сладость власти:
И мне казалось, что не зря,
Меня высоким словом «мастер»
Титуловали слесаря.

Но — старичок был: вид пророческий,
Хоть истин и не изрекал,
Тот больше звал меня
по отчеству,
Титуловать же избегал.

Всегда опрятный, как из бани,
Не примыкал он к большинству.
Он сам был мастер —
не по званию,
А так сказать, по существу.

Он сквозь очки чертеж рассматривал,
Как будто библию читал,
И что-то было в нем от матери,
Когда он в руки брал деталь.

Не вкалывал!
А с уважением
Вдувал он душу в механизм.
И было каждое движение
Законченным, как афоризм.

Когда ж с высот образования
В начальственный впадал я раж,
Просил он, ближе подзывая,
Смирненно эдак: «Ну, покажь...»

«Покажь!» — А что ему ответишь?
И остается лишь признать,
Что зря, порой, в начальство метишь,
Не научившись «показать».

И в положении печальном,
Махнув рукою на смешки,
Обратным ходом
из начальства
Я двинулся в ученики.

И, как мальчишка, был я счастлив,
Когда однажды от него
Услышал:

«Из тебя бы, мастер,
Напарник вышел — ничего...»

И с тем вернул тот старый слесарь
 Меня обратно к естеству:
 Не стало к власти интереса,
 Вернулась тяга
 к мастерству.

В УГОЛЬНОМ РАЗРЕЗЕ

Степь коричнево темна,
Шебуршит бурьян постыло...
После понял,
 что пустынность —
Просто видимость одна.

Вот автобусик свернул,
Юркнув мышью в кавальеры* —
В них,
 как будто в Кордильерах,
Весь поселок утонул...

Все пойму еще, пойму...
Вот он,
 чудо-экскаватор!
Я гляжу: не узковата ль
Степь гигантскому ему?

А работа не проста:
Зарываясь в дерн и глину,
Надо горы перекинуть,
Чтоб добраться до пласта!

Не свожу с гиганта глаз,
Я работу уважаю,
Потому как обнажаю
Вроде б тоже
 некий пласт.

Я не лыщу себе, не лыщу.
Не боясь работы черной,

* К а в а л ь е р ы — отвалы пустой породы.

В глубине,
 под всяким «дерном»
Жилу истины ищу.

Как выходит — не сужу,
Не пристало пустословить.
Но к тому же я
 сословью,
Как и он, принадлежу.

Родственничек — ничего!..
Не скрываю — очень лестно.
Только грустно:
не железный
Я, в отличие от него...

РЕМЕСЛО

Был токарь я — не из плохих,
Хотя успел немного.
Но знал я мастеров таких —
Воистину от бога!

В ту пору — вот ведь был момент! —
В обход инструментальной
Себе ковали инструмент
Из стали самокальной.

И вот, какой ни молодец —
Смекалист, ловок, точен,
Но должен у тебя резец
Быть хорошо заточен.

Ты угол выдержи такой,
Чтоб режущая кромка
Снимала стружечку легко,
И весело, и тонко.

Чтоб ты почувствовал до дна,
Что то и есть работа,
Когда и спорится она,
Да и к тому ж — без пота.

И я такую радость знал,
Вновь испытаю вряд ли,
Когда вдруг видишь, что металл
Сознательно податлив:

Мол, режь, но все-таки любя!
Я тоже поиграю:

Приятно видеть, как тебя
Красиво обдирают!

А после смены, как закон, —
Резцы все — под замочек.
Не жаден мастер.

Просто он —
Воистину — рабочий.

Он, хочешь, пустит все в обмен,
Поделится — чем хочешь.
Не жаден он.

Но инструмент
Ты сам себе заточишь.

Вот так...

А если уж не смог,
То стоишь ты немного.
Тебе поможет только бог,
Но высоко до бога.

СВАРЩИК

Он покурил, воды напился
И вот, утершись рукавом,
С волшебной палочкой склонился
Над металлическим листом.

Уже не медля ни мгновенья,
Лицо забралом заслоня,
Магическим прикосновеньем
Он смело вызвал дух огня,

И вмиг, его послушны воле,
Как вспышке гения — века,
Сполохи синие вспороли
Железный сумрак потолка.

И там, средь балочных сплетений,
В их глубине глухонемой
Вороньей стайей бились тени,
Когда схлестнулись свет со тьмой.

А он, окутан дымным жаром,
Все так же голову склонял,
И два листа,
 как две державы,
Вокруг огня объединял.

И весь — во власти вдохновенья,
Он глух был ко всему извне.
И прометеевскою тенью
Сам отражался на стене.

Тоскуют руки по металлу.
То вдруг, шагавший налегке,
Мальчишкою с ледышкой талой,
Замру с железкою в руке.

То вдруг завода бас могучий
Так позовет, что нету сил...
Я даже пишущую ручку
Себе железную купил.

Тоскуют руки — до испуга:
Что делаю? И — для чего?
Как будто бы сбежал от друга,
С которым всякого всего...

Был спор на уровне высоком,
Где делать нечего льстецу.
О, как он бил меня жестоко
Каленой стружкой по лицу!

И сам до белого каленья
Я доводил его и мял
Под молотом
и, в искупленье,
Для новой жизни закалял.

И вышло, что сработал честно,
Коль так скорбит теперь душа...
Неужто
по живому месту
Меж нами трещина прошла?

В РЕССОРНОМ ЦЕХЕ

Печь,
 исходящая гудом, —
Чудовищем на боку.
Чудовище
 за секунду
Выбрасывает по языку.
По узкому,
 словно жало,
Беспомощному на вид.
Им
 укротителя
 шало
Лизнуть оно норовит.
Лизнет —
 и месяц зализывай
Огненный след языка...
У этого, белобрысого,
Видно, крепка рука.
Ритм — как удары пульса,
Печи несмолкаем гул...
Вот
 укротитель
 нагнулся,
Клещи вперед метнул.
Мгновенье — и жало вырвано!
И, привстав
 на носки,
Рабочий полосу выронил
В обжимочные тиски.
Качает работа парня,
Выкачивает
 сто потов...

Покачивается

шикарно

На быстром ходу авто.

И я, у грани полета

Покачиваясь, как все,

Вспомнил

капельки пота,

Шипящие на полосе.

Словно тот парень

веселый

С потом, под шум машин,

Передавал рессорам

Всю доброту души.

Да, помнить о том нелишне:

Ведь в вещи — я спорить готов —

Навек воплощаются

личные

Качества мастеров,

Те качества

щедро растрачиваются

В гулких, как день, цехах...

Как вам, товарищ,

покачивается

На крепких рабочих руках?

ПЕРЕВАЛ

Г. Граубину

Стой, шофер — лихач бывалый,
Не смеси народ честной!
Перед самым перевалом
Пункт
 контрольно-пропускной.

Не гляди с ухмылкой, криво,
Снегирева Кольки брат:
Словно в песне той — с обрыва,
Ты сыграешь в аккурат!

Техосмотр.
 Глотая ропот,
Черта руганью не зли:
Самолично этот штопор
Им закручен в глубь земли.

По его крутой спирали
Заползаем в облака.
Тормоза бы вдруг не сдали
Да не дрогнула б рука!

На последнем напряженье
Нестерпим моторный вой.
Дьявольское искушенье —
С маху в пропасть головой!

...Сник подъем на повороте,
Ну теперь полегче — спуск.
Только в сердце побороть бы
Дикой скорости искус.

Да еще — держи педали!
Разнесет наверняка! —
Тормоза бы вдруг не сдали
Да не дрогнула б рука...

Все. Спустились.

Дальше — скатерть,
Можно ехать налегке...
Что-то прыгает некстати
Папирочка в руке.

Шмыгнул носом: «Ну и шельма!»
А теперь давай, гони!..
Что так смотришь
задушевно
На инспектора ГАИ?

Что так едешь,
словно тропкой,
Неторопко, не спеша?
Знать, товарищ мой неробкий,
Не пришла в себя душа.

Мы еще с тобою в силе,
И в глазах еще — гроза!
Только б нас не подводили
Сердце, руки, тормоза...

МЕРНАЯ МИЛЯ

У пирса стальная громада
В авральном разгаре работ.
Уже судовая команда
Хозяйски вступила на борт.

Уже уступает малярной
Монтажная наша страда.
В предчувствии спора с морями
Вибрируют нервно борта.

Но хмур
 наш ответственный сдатчик,
Глазищи суровой бойниц,
И радостям он не потатчик
Иных
 безответственных лиц.

Всем милям, скользящим под килем,
Что судно за годы пройдет,
Предшествует
 «мерная миля»,
И завтра — той мили черед.

Отрезок, означенный четко!
Что можешь — тут вынь да положи.
Тут ограничения —
 к черту!
Тут полную мощность даешь!

На полную!
 Дрожь переборок,
Упруго рванется корабль.

МЕХАНИК

Каперангу Я. П. Сурнину

Когда сбивают поршни споро
Густое масло день и ночь,
И он не прочь за разговором
Водицу в ступе потолочь.

На палубе, на жесткой банке,
Плечами дружескими сжат,
Травить механик станет байку
Для устрашенья салажат.

Но — смолкнет он на полдороге,
Когда, веселью вопреки,
Вдруг
 дуновение тревоги
В глазах задует огоньки.

И враз — прорежутся морщины
И отрешенным станет взгляд.
«Механик слушает машину», —
Кому-то тихо пояснят.

Механик слушает машину...
Как бы ступая по следам,
Тяжелых звуков мешанину
Он разбирает по складам.

В ее звучании привычном —
Как бы ни пряталась беда —
Он различит
 косноязычье
Вдруг ослабевшего болта.

Машины слушает механик...
Так каждый миг настороже,
Он словно и не отдыхает —
Обеспокоенность в душе.

Еще тряхнет он анекдотцем,
Всю палубу развеселя!
Но дайте выслушать,
как бьется
Как бьется сердце корабля.

П. Халову

Столичный город побережий
Не очень пришлых уважал:
На тридцать особей заезжих
Гостиный дом в два этажа.

Я номер в нем снимал роскошный
С командой судна, на двоих.
А дождь хлестал, как заполошный,
И закисал ремонт у них.

И этот быт, вполне приморский,
Не скрасит электротитан.
— Погодка капает на мозги, —
Скрипел зубами капитан.

Ругался он, сутуля плечи
У дребезжащего окна.
Хрипел старпом: — Погодка шепчет:
Продай бушлат — купи вина...

Ах, эта чертова погода!
И мы тут, право, ни при чем...
После «разминочки» короткой
Разговорились горячо.

Мы — самые из самых — случаи
Припоминали, захмелев:
Как карусель норд-ост раскручивал,
В Охотском море, озверев.

Как доставали гребня мачтой,
Как обрастали гиблым льдом...

И выразительно, и смачно
Честил ремонтников старпом.

— Собачья жизнь! — брюзжал механик.
И стали все на том пиру
Тепло гостиничное хаять —
По всем, как есть, статьям «дыру».

И одержимостью их пронят,
Кричал я, надрывая грудь:
— Какой вас черт, ребята, гонит
Скитаться, мерзнуть и тонуть?!

Быть может, слава? Или гроши?.. —
Старпом, оборотясь ко мне, —
— Ты погоди-ка, друг хороший, —
Сказал в неловкой тишине. —

И гроши, что ж. Да наш целковый —
В сто сухопутных. Вот вопрос...
— А я романтик! — бестолково
Вскричал дурашливый матрос.
А капитан: — Нас не заманишь,
Как дуру-птицу на манок...
— Там чаще маму вспоминаешь, —
Сболтнул зеленый штурманок.

И тут пошло!
— Раскис, салага!..
— Скучает... Мамочку ему!..
Но захотелось вдруг заплакать,
Не мне, наверно, одному...

У пирса будней на приколе
Не прогорела бы во мне

Вот эта жажда — выйти в море
Навстречу яростной волне.

Чтобы с погибельно высокой —
С нее — увиделось опять
Все, что немисливо далеко,
Все, что вблизи не разобрать.

Чтоб сквозь предательскую слабость,
Ладонь на леере замкнув,
Ты понял вдруг — какая сладость
Припасть к родимому окну!

И боль, что ты надежно спрячешь,
Таким прохватит сквознячком,
Что вспомнишь после —
и заплачешь,
Средь поля падая ничком.

И мелочному не подвластен,
Поймешь, чем надо дорожить...
Кто знает, может, в том и счастье —
Однажды это пережить...

Я провожал их на причале.
Их лица были — как во мгле,
Как будто
не принадлежали
Они уже родной земле.

И все не мог я
самых важных
Найти — и мучился вдвойне! —
Прощальных слов,
чтоб им однажды
Вдруг вспомнились на той волне...

МЕСТНЫЙ ПОЕЗД

Ах, этот поезд дерзкий,
Ему — хоть под откос!
Ни дать ни взять —
 курьерский,
Когда пойдет вразнос.

Тот плавлен так — на зависть
И важен так на вид.
А этот же, мерзавец,
Вприпрыжку норовит.

Сосед во сне елозит,
Трясет — не вмоготу.
Наверно, паровозик
Шурует на спирту.

Но, в слабости вникая,
Сказать я должен здесь:
Какая-то
 такая
В нем прелесть все же есть.

Он так людем напичкан,
Что не ступить ногой!
Но он демократичней
От тесноты такой.

Коль местный, так — безместный,
Езжай хоть на весу!
И говорок непресный
Тем поездкам к лицу.

Под эти «тары-бары»
Почудится, что вот
За общим самоваром
Собрался весь народ.

А то вот, как с разбега
Да в омут, канешь в сон —
И явится телега —
С травой или овсом.

Трясет ее проселок,
И конь бренчит уздой,
И ты — такой веселый,
К тому же — молодой!

Леса да перелески,
И не в беду — беда !..
Такие сны в курьерских
Не снятся никогда.

Поверите, быть может,
А может быть, и нет...
О боже, с полки все же
Свалился мой сосед!

НА СТРОЙКЕ

Мы сидим,
ногами побалтываем,
Будто «па» на лесах отрабатываем,
Озорно девчатам кричим.
У девчат
раствор под руками —
Знай помахивают мастерками,
Ноль внимания на мужчин.
Мы вниманием не избалованы,
Не изнежены, не целованы...
Где там, черт побери, раствор!
Отпускаем шуточки желчные:
Где, мол, женщины,
ваша женственность,
Ручки-лебеди, томный взор?
Комбинезоны ли мешковаты,
Или сами вы все горбаты...
Вдруг все шулки —
на тормоза:
Распрямилась одна
усмешливая —
И сверкнули грозой вешнею
Ослепительные глаза!
Усмехнулась:
какие, мол, глупые,
И с ухмылочкой взгляд потупила,
А у ног ее — мастеров...
Не встаем мы, нет,
мы — срываемся!
И, сшибаясь лбами,
склоняемся
У измазанных глиной ног...

Андрею Пассару

На все лады друзья острили,
Когда нанаец-друг просил,
Чтоб я
 живую индустрию
Ему представил в меру сил...

Заметил я, что друг-таежник,
К ружью привыкший и веслу,
С какой-то тягою тревожной
Приглядывался к ремеслу.

Как будто шел — и у обрыва
Вдруг потерял свою тропу —
И растирает торопливо
Недоумение на лбу.

Тропа...
 Как линия на белом,
В кромешной глубине времен
Она затоптана набегом
Чужих воинственных племен.

Да, тот жестокий враг повинен
В том, что, растоптанный, погас
Огонь чжурчженьевских плавлен
И с этим — тропка прервалась...

Он над литейною оснасткой,
Мой друг, кумекал — что к чему,
Хотел ее
 добром и лаской
Приблизить к сердцу своему.

В прищуре глаз его нелетних
Искрил, казалось, слабый ток —
Как бы из тьмы
тысячелетней
Плавилен древних огонек.

**И вот стоит — душа смутилась,
Догадкой странной озарен...
Неужто же
 восстановилась
Утраченная связь времен?!**

Попыхивая в дреме беспробудной,
Молчит вулкан, над миром возведен...
Прощай, вулкан!

Будить тебя не будем,
Мы лучше по-хорошему уйдем.

Спасибо, остров, за минуту детства,
За чуткую заботу о тепле!
За то, что все же есть где

отогреться
На трудно обживаемой земле.

КАМЧАТСКИЙ РЯЗАНЕЦ

Когда над Камчаткой воздела
Косматые длани пурга,
Мне выпало душу и тело
Согреть у его очага...

Хозяйка готовила спешно
Еду,ставляла питье,
И яблоки чудом нездешним
Труды увенчали ее.

И помню еще: ненароком,
Как облака легкая скань,
В беседе всплыла издавека
Родная их сердцу Рязань,

Где смотрится в тихую Трубеш,
Собою любясь, собор...
— Уедешь, а вот не отрубишь, —
Хозяин свернул разговор.

И тронула сердце остуда,
Хозяева стихли мои...
На яблоки я им: — Оттуда?
— Да нет, — вострепенились, — свои.

И тут же:
— Поверишь ли, с нею
Мы жили здесь, точно в бреду.
Такая тоска,
что во сне я
Все яблони видел в цвету.

И думал: не выдержу, струшу,
На помощь родню не призвать.
И стал я
 рязанскую душу
К камчатской земле прививать.

Нашлись же и добрые люди:
Советуют, саженцы шлют...
Ну, всякое было — на блюде,
Известно, они не растут.

А яблоки заревом вешним
Светили нам в центре стола...
Желаю, рязанец,
 чтоб вечно
Рязань в твоём сердце жила!

Тоскуй по ней, где бы ты ни был,
Коль яблони с этой тоски
Пуускают под северным небом
Совсем по-рязански
 ростки.

ИЗ ЧУКОТСКОГО ДНЕВНИКА

II. Капитан порта

Памяти С. К. Гассе

Я на пост его с робостью школьной
Поднимаюсь в певекском порту...
Что вам с вашей видать

колокольни

На полярном на блеклом свету?

В окулярах бинокля морского
Что вам видится, мой капитан?..
Ледовитым до судорог скован,
Пробивается в порт караван.

А быть может, щербатой чертою
Горизонта привычно скользя,
Он увидит неожиданно такое,
До чего и доплыть-то нельзя.

И наивное старое фото
Память дерзкая вдруг оживит:
Гордый первенец
Красного флота —
Выйдет в плаванье сторожевик.

«Красный вымпел» — с обводов паряще
Над дорогами бед и побед.
Там веселый сигнальщик таращит
Удивленные очи на свет.

До Камчатки в дороге зыбучей
Он еще накачается всласть.

Он заморского гостя научит
Уваженью,
Советская власть!

...Норд в загуле... В июле...
По-рядок!

И спеша отыгаться сполна,
Лупит Арктика снежным зарядом,
Беспощадная, как война.

Что-то было подобное раньше...
Разгулялась шрапнель за окном...
Разворачивать надобно
 тральщик
Под прицельным фашистским огнем!

И щетинятся брови жестоко,
И неистов осколочный свист...
До чего же мне видно далеко
С колокольни твоей, коммунист!

Не изгибы тропинок окольных,
Средь трех сосен и вновь — до крыльца.
Революции

 путь ледакольный
Открывается мне до конца —
Сквозь арктическую непогоду,
Осененный звездой труда!
...Нынче в полдень
 на чистую воду
До Певека пробились суда.

III

Покинул землю самолет...
Певек, прощаюсь.

В иллюминатор
солнце бьет...
Не омрачайся!
А сквозь моторы
птичий гам,
Галдеж в салоне:
«Галчата»
к южным берегам
Летят с Айона.
И полулежа я гляжу
На ребятишек,
А мысленно
еще брожу
По тундре рыжей.
Как жилочка,
наискосок
По тундре речка...
Стрелой из лука —
голосок
Взорвался резко:
«Смотрите, лес!» —
кричал пострел
Под визг девчонок,
И на плечи мои взлетел
Сосед-галчонок.
«Лес! Лес!» —
зашелся самолет
От криков звонких,
И словно зайчики — врзлет —
Вокруг глазенки.
И я
глазами лес искал,
Оставив кресло.
А там — кустарник протекал...
А где же лес-то?

Средь зеленеющих плешин
Темнела хвоя...
Но — «Лес!» —
кричали малыши,
На креслах стоя.
На креслах ли?
На мерзлоте,
На той, на вечной!
В полярной жгучей темноте,
Где звезды — свечкой.
На обожженном валуне,
На льдине стылой!
И потому-то им —
не мне,
Виднее было...
И думал я,
до глубины
Души растроган:
Неужто же
отделены
Полярным кругом
Они
от черствости души,
Как юг от стужи?..
Кричите громче,
малыши,
Чтоб знать, что нужен
И вам, и мне
Полярный круг —
Высотным валом,
Чтоб лучше виделось вокруг
Большое
в малом.

V

Небосвод насквозь промок,
А в денек ведренный
Синь-слезу в горячий мох
Выплакал приветливо...

Как зовут тебя, цветок,
По имени-отчеству?
С ноготок всего росток —
Пожалеть хочется.

А жалеть — не резон,
Не унизь, жалея!
Ибо тундра — не газон,
Не оранжерея.

Тундра влагой налита,
Чаем перегретым...
Здравствуй, молвлю, красота,
На краю света!

Как пурга тебя секла —
Да не выкосила.
Перекрашивала мгла —
Да не выкрасила!

Сквозь такую маету
Пронесла нежность...
Видно, крепко красоту
Корешки держат.

VII

И неходко, но в охотку,
Где на крыльях, где пешком,

Я мотаюсь по Чукотке,
Точно лесом с туеском.

Собираю быль и небыль —
Что отбросить, что поднять?..
Что мне надобно?

А мне бы
Душу той земли понять.

Вот вернусь — расспросов будет!
Мне друзья надоедят:
Каковы там, дескать, люди?
Чем живут и что едят?

Хоть не точно, но отвечу
(Точно — просто не берусь,
Так как
встречным-поперечным
Я Чукотке прихожусь):

Меря тундровые дали,
Замерзая и кайля,
Люди там такими стали,
Как сама она, земля.

А земля — она такая:
Вся промерзлая насквозь.
Слабостям не потакает,
Не прощает жизни врозь.

И от стыни этой вечной
Опостылевших ночей
Стали люди
человечней,
Проще стали и прочней.

А земля — не для парадов,
Сколько жизней унесла!
Только —
 как ей мало надо
Света, дождика, тепла,

Чтобы вспыхнули ответно
Очи ясные озер,
Чтоб ласкало разноцветье,
Прошлым бедам не в укор.

Чтоб земля дышала кротко,
Жажду солнцем утоля...
Вот и все вам
 про Чукотку.
Ну, а люди — как земля.

БУХТА СВЕТЛАЯ

Брату Толе

Прощай же, бухта Светлая!
Пора и дальше в путь.
Залетный ли,
 заветный ли
Был гость — не обессудь.

Уже, как зайчик солнечный,
Видна твоя вода.
Но — звездочкою
 совести
Светить тебе всегда!

Я не искал подачек,
Ушицы повкусней.
Я стать хотел богаче
На несколько друзей.

Чтоб были мне — как палуба,
Как чайке — два крыла...
Спасибо тебе, малая,
Что много мне дала,

За то, что, скрытых мглою,
Нас в бешеных морях
Спасительной рукою
Твой выловил маяк.

Бока твои ободраны
Ветрами всех широт...
Спасибо, что ты гордая,
Как Родина и Флот!

Не зря кричал в запале
Любимец пристаней:
— Я жил в Москве бы, парень,
Да моря нету в ней!
Такого, чтобы — с ветром,
И — кругом голова!..

Спасибо, Ваша Светлость,
За честные слова.

Спасибо, не за милость,
За то, что мы свои...
Одежкой на вырост
Дарения твои.

Только встретились — надо прощаться...
Так, должно быть, угодно судьбе.
Но навек,

Петропавловск-Камчатский,
Этой встречей обязан тебе.

Было все и светло, и непьяно.
На прощание друг-офицер
Толковал мне про тот,
в океане,
Разделяющий страны барьер.

Не стена, чтоб вздымалась бы круто,
Ни столбов, ни шлагбаумов, но...
— А к барьерам идут не для шуток,
Что поэтам известно давно, —

Так, скорей немудрено, чем мудро,
Отшутился, вдыхая покой,
Офицер, уходящий под утро
На охрану границы морской.

Говорил он немного жалейно,
И в глазах огонечек рябил.
Но вы б знали, каким он
железным
И веселым на мостике был!

Там, далеко-далеко от берега,
Где не плавает птица баклан,
— Ну-ка, где она бродит, Америка? —
На локаторный взглянет экран.

Только пятнышко. Точечка.

Сетью

Координаты ее оплели
На экране.

А может — на сердце?
На просвеченном сердце земли.

Это рядом во тьме без просвета,
Путь патрульного судна лежит.
Словно черный зрачок пистолета,
Что на уровне сердца дрожит.

Там умеют под возгласы «дружба!»
Выверять для удара прицел...
— Ухожу. Понимаешь ли, служба, —
И со стула встает офицер.

— Ну, до встречи...

— Конечно, до встречи!

Мы еще повидаемся, верь...
И уже — плащ-палатка на плечи,
И, как выстрел, ударила дверь.

За окошком тревожная темень.
Мне и гордо, и больно: а вдруг?..
Ведь всегда между мною и

ТЕМИ,

В дождь и темень, упрямо — мой друг.

ЗВЕЗДЫ

Где проходит граница,
Чисты первозданно снега,
Безбоязные птицы
Творят вековые обряды.
Где проходит граница,
Застыла река в берегах,
И сквозит через чашу
Лыжня
Пограничных нарядов.

Пограничный наряд
Не спеша и сторожко скользит...
Ты, граница, позволь
На минуту им
Остановиться.
Ты поэта прости
За непрошенный этот визит,
Так мне надо взглядеться
В морозом каленые
Лица!

Ах, какие они молодые!
По сколько же им?
Ах, как ладно сидят
Полушубки на них
Меховые!..
Вот такими они
Представлялись солдатам,
Другим,
Не убитым еще
В незабытые
Сороковые...

За плечами у них
Жизнь —
Как утренняя синева!
Жизнь, как поле, они
Первым потом едва оросили.
Там еще для любви
Не придуманы даже слова...
За плечами у них
Обнаженное сердце
России...

Вот отслужат они —
И такое начнется тогда!
И работа взхлеб,
И любовь —
Позавидует сказка!
Вот отслужат они...
Над землей
Загорелась звезда,
Пятилучно — звезда
Над могилою братской.

Загорелась звезда...
Сколько их по родной-то земле!
Сколько их повзошло
На военной
На пахоте жуткой...
Из солдатских сердец
Пробиваются звезды во мгле —
Так земля выдыхает
На свет
Стебелек незабудки.

Так зерно, погибая,
Из мглы выдыхает росток

И с любовью, и с верою
В празднество жизни.
И от звездочек алых
Зарю разжигает восток.
Знать, не зря
Краснозвездной
Мою называют Отчизну.

Свет струится землей,
От бесчисленных звездочек свет.
От звезды над могилою
Там,
Где проходит граница.
И уходит наряд,
Вдоль границы печатая след,
Отблеск красного света
Не тает
На замкнутых лицах...

Мне кажется нестойкой тишина.

И не пойму:

а что меня тревожит?

Вон дед у прясла лошадей треножит —

Быть может, он мне объяснит сполна?

Дед говорит:

— Стреножу лошадей

Да на ночь — в поле. Ночью травы волглы...

Да вот беда — пошаливают волки, —

Закончил он, копаясь в бороде.

И женщина у речки-бирюзы

— Вот, — говорит, — стираю для ребяток.

Белехонькие станут, что опята!..

Да высохло бы только до грозы...

И что выходит?

То, что говорят:

Белье просохнет — обошел бы дождик,

Вернутся кони сытыми под вожжи,

Конечно, если волки не съедят.

Но женщина, в преддверии дождей,

Управиться со стиркой поспешает,

И дед, уйдя в ночное, помешает

Зарезать клятым волкам лошадей.

И я ушел к дороге, через лог,

И все не отпускала мысль простая:

Ведь древо тишины произрастает

Из наших с вами за нее тревог...

ЗЕЙСКАЯ ТЕТРАДЬ

I

Было все, как по заказу:
Даль, насквозь открыта глазу —
Голубое с молоком.
Свет неярк и рассеян,
И тянуло вдоль по Зее
Уж предзимним холодком.

Со штабной высокой башни
Открывался день вчерашний —
Котлован, быки, мосток...
С двух сторон застыли плесы
И в проране безголоса
Бился бешеный поток...

Это значит — панорама.
И сюда, поднявшись рано,
Шел народ, денечку рад:
Шел монтажник и бетонщик,
Сварщик шел и с ним дотошный
В паре праздничной прораб.

От столовой той, у створа,
Что и названа — «У створа»,
Между ними шел и я.
Шел, прислушиваясь чутко
К разговорам, прибауткам,
К звукам начатого дня.

Мастера... На них, не скрою,
Все стандартного покроя —
Строго, чисто, как все мы.

Что-то их, таких, однако,
От залетного зеваки
Отличало, черт возьми!

Парень вот — как будто сонный,
В пиджачке не по сезону,
С виду тихонький такой.
Но идет — вразвалку, сочно,
Словно пробует на прочность
Эту землю под ногой.

Разбираться начинаю:
Ведь земля-то — насыпная!
Он — уже который год! —
Намывал ее, родную,
На ветру на стылом дне
И ночуя, коль прижмет.

Для плотины? Для плотины.
Заплатили? Заплатили —
«Тети-мети», дунул — нет.
Но, смиряя зейский норов,
Для себя намыл опору
Он с запасом на сто лет!

Это был такой экзамен!
Но какой намыл фундамент
Он под жизнь свою зато!..
Был бы ты умен да кряжист —
Жизнь еще навалит тяжесть —
Упереться бы во что!..

Натянулось время тонко,
И капризного ребенка
Уговаривала мать:

— Ну, не плачь!

Ведь ты мужчина!

Подожди, сейчас машины

Будут камушки кидать...

«Приступить!..» — из штаба тут же —

Угодить мальчонке нужно? —

Хрипло брошен был приказ.

Весь в плакатах, тих и кроток,

Взвыл на полных оборотах

У прорана первый КрАЗ!

С полной выкладкою, ладно

Развернулся, чуть парадно

И пошел на Зею задним

(Зея, ты не обессудь!),

И на самом на откосе

Поднатужился — и сбросил

Глыбу в гибельную муть.

Брызги веером взметнуло,

Словно глыбой той замкнуло

В желтой глубине провода.

И откликнулся — под током! —

Берег весь единым вздохом,

И в разгар пошла страда.

А толпа поднапирала —

Под колеса самосвала! —

Любопытно, хоть убей!

И выкрикивал над нами

Хриплым голосом динамик:

«Уберите же людей!»

А в сторонке на припеке,

Под стернею рыжей щеки,

Под шапчонкой волос бел,
Дед стоял, напружив выю,
И на все дела мирские
Немигаючи глядел.

Он о чем, сутулый, тощий,
Потрясенный этой мощью,
Думал, зейский старожил?
Разобраться ли пытался?
Или с чем-то расставался,
Чем так трудно дорожил?

Здесь, на матушке на Зее
Он охотился и сеял.
Он — хозяин. Мы — в гостях.
Кожей, сорванной с затылка,
Сердцем, выстуженным пылко,
Болью в ломаных костях —

Помнит он ее, паскуду,
Ей, владычице, подсудный,
Ну, а жизни-то — в обрез.
Нынче ж, вот тебе — плотина!
Значит, крест на все стремнины
(И на молодости — крест?..)

Как тебя река мотала,
Словно был ты из металла,
Глупый парень имярек,
Чтоб вдолбить в башку тупую
Эту истину простую:
«Паря, ты ж ведь — человек!»

Жизнь твоя текла полого,
Стала — Зеей на порогах,
Черту б голову свернул!

И с жестокой зейской страстью —
Страх в кулак, а сердце настезь —
В революцию нырнул...

Продолжалось перекрытие
В ритме строгом, чтоб — без прыти,
Неуклонно дело шло.
(Хоть поток еще был грозен,
И заносчивый бульдозер
Отломил себе крыло...)

Как вас бьют и учат реки,
Люди, люди — человеки,
Чтобы все — наверняка.
Словно б так и было сроду:
Вы — энергию народу,
Вам энергию — река.

Вот законный сын эпохи,
Сам начальник стройки Шохин —
В нем напора — за троих!
Словно б в нем умно запряган
(Вот хитрец!)

аккумулятор —
Электричество в крови!

В ней — порывы вьюжной пляски,
Ледяной сквозняк ангарский,
Той, большой плотины ток.
Там он так «подзарядился» —
Точно заново родился,
Чтобы — Зею поперек!

Он летит вперед пружинно
В грозном грохоте машинном,
Как река на быстрине!

Весел взгляд, а шаг широкий,
Ритм «отмахивая» стройке
(А быть может, и стране?).

Но пока мы — суть да дело,
Рать машинная гремела
В брызгах, копоты, пыли,
Хоть не так уже и браво
Бригадиры — левый с правым —
Эту рать вперед вели.

И уже в людском заторе
Теле-,
 фоторепортеры
С помощью локтей и плеч
Пробивались ближе к кромке,
Чтобы, выбрав «точку съемки»,
Все, как есть, запечатлеть.

Выбрать «точку» — вот загвоздка,
Чтобы правда вся без лоска,
А за ней — зари полоска...
Перспектива чтоб видна!
И подумалось с обидой
Мне о грешных нас, кто видит
Жизнь, бывает, из окна.

С этой «кочечки» обзора
Перспектива — до забора,
И в столице, и в селе.
Вон сидит в окне домашнем —
Терпелив, как червь бумажный,
С тяжелой думой на челе.

Тишь да гладь, к тому ж тверезый,
И конечно, музы, грезы

Не обходят и его:
Даль. Мужик... Петух на прясле...
Ерунда на постном масле...
Впрочем — мало ли чего!

А сквозь этот мощный рокот
Кто услышит райпророка,
Твой писклявый голосок?
Докричится, может, Муза,
Ну, до местного Союза
И — в песок.

И в песок да с тем и канет...
Но уже «последний» камень,
Как резерв, вводили в бой.
В тишине, столь непривычной,
С ним отъехал к перемычке
Самосвал передовой.

Исторически торжествен,
Бригадир широким жестом
Камню место указал.
И скользнул он вниз покато,
Сверху плюх — и дело свято
(Чтоб потом — на пьедестал!)

И — «У-ра!» — пошло над плесом
С перемычки и с утесов,
И ударили гудки,
Разрывая воздух стылый,
Обнимались там, на стыке
Покорители реки.

А река под их ногами
Билась слепо ручейками —
Зея, ну теперь держись!

Ты еще взрвешь турбинно,
Чтобы мощь твою рубильник
Подключил на коммунизм!

II

Оркестр замолк, угасли речи
Над гладью укрощенных вод.
Уже иному дню навстречу
От Зеи двинулся народ.

Уже, спеша, начальник стройки
Гостей высоких провожал.
Меня ж — как будто голос строгий
У котлована задержал.

Как будто, ото всех в сторонке,
Хотелось, точно на меже,
Испить минуточки негромкой
Моей взволнованной душе.

Внизу дорогой обновленной,
Уже отныне на века,
Поверх механики бетонной
Катила тихая река.

И мысль пришла, как бы некстати,
Без связи видимой прямой:
Не так ли время ходко катит
Поверх Истории самой?

И в то же самое мгновенье
Свершила память свой вираж,
Напомнив тот,
 о затопленье
В газете местной репортаж.

Писалось в нем, что перед тем как
Заполнить воде нутро,
Туда веселый кто-то «в темпе»
Доставил с краскою ведро.

Хотелось каждому — ведь строил! —
Там расписаться от души,
Хоть было ясно:

Зея скроет,

И тут — пиши иль не пиши...

И словно бы туман растаял —
И вот он, близок и знаком,
Солдат

выводит на рейхстаге
Свою фамилию штыком.

Он шел сюда от Сталинграда,
Чтоб расписаться под чертой...
Ее заделали, как надо,
Ту роспись, краской непростой.

Но тот солдат, как есть — обычен,
Ее в трудах превыше сил
Такою славой возвеличил,
Такою кровью оплатил,
Что никакой гранит не скроет,
Не смоем никакой водой!
Затри — она проступит кровью.
Разбей — она взойдет звездой!

Так думал я. А солнце ровно
Всходило в полдень.

И, вольна,

Поблескивала Зея — словно
Светились надписи со дна...

Прошу:
 не верьте болтовне,
 Что я средь улиц Зеи
 Болтался в поисках жене
 На платье бумазеи.

И более — не оттого,
 Что, измотавшись люто,
 Искал для сердца своего,
 В конце концов, — уюта.

Есть для того иной приход,
 Хотя и богохульный,
 Но там
 так трепетно цветет
 На столиках багульник!..

В снегу районный городок
 И, как зима, печален —
 И парк, и этот уголок,
 Где местный дом печати...

Ах, Зея! Как тебе к лицу
 Лик лиственницы грустной
 Среди домов — венец к венцу,
 С резьбою безыскусной.

Как красят эти кружева
 Полпредов предков наших!
 Наверно, был он голова,
 Мастерской Елташев.

Он трудно жил и не спеша,
 Как жизнь его крутила.

Но как скреблась внутри душа,
Все выхода просила!

Он ставил сруб, как есть — литой,
На радость домочадцам,
И вот — карнизик под стрехой,
Такой — чтоб любоваться.

Такой, чтоб самому потом,
Измаявшись в извозе,
Вдруг замереть, заведя дом,
Сняв шапку на морозе.

И впрямь, как вздох души живой,
Был росчерк тот простецкий
Меж синевой над головой
И суетой житейской.

Не от того ли, может стать,
На нас, таких ученых,
И вдруг
 нисходит благодать
От завитков точеных?

И замирает (объясним
Подобный факт едва ли)
Перед карнизиком резным
Поклонник вертикали.

И вот, под речи свысока
(Тут ушки — на макушку!)
Сама
 в блокнотике рука
Рисует завитушки.

И вкривь, и вкось да по кривой...
Все это блажь пустая:
Кривых излишеств мировой
Стандарт не допускает.

И там, где путался впотьмах
По переулкам бражник,
Поправ права на терема,
Возник пятиэтажник.

Но, эру новую открыв,
Средь старины щемящей
Он безобразен,
 словно взрыв
Средь заповедной чащи!

Он скорбен, словно пантеон
Мечты, убитой сметой...
А рядом, средь могучих крон,
Другой поселок — Светлый.

Знать, ценят люди красоту
(Не просто — на потребу...),
Коль выложили по хребту
Себе ступеньки к небу!

Поселок тот средь тихих рощ
Прижился так любовно!
Нас убеждая в том,
 что мощь —
Отнюдь не бездуховна.

IV

Стих мой, бойся укора острого,
Слов захватанных избеги...

Но поистине —
 белым островом
Плыл поселок среди тайги.

Я вошел в него с тайным трепетом
В изначалье большого дня —
И деревья
душевым лепетом
Обнадеживали меня.

Удивленные птицы глазели,
Шла девушка — цветок в руке.
Утопала старая Зоя
В дымке утренней вдаль.

Всплыло солнышко на лазури...
А подумалось: надо быть
Архи-дурой
архитектуре,
Чтоб такое не полюбить!

[illegible]

Капли росные бились оземь,
Свежесть утра, травинок дрожь...
Красота...

Перед нею бульдозер
Занесенный отводит нож.

Знать, пришли времена такие,
Знать, неплохо живет народ,

Коль
железная индустрия
Друга в дереве признает!

Что мне шепчет вода живая?..
Все брожу, брожу
и молчу.
И щекой к стволу прижимаюсь —
Так прижиться я здесь хочу!

И в душе своей
непоклонной
Сохраню до последних дней
Четкость линий
железобетонных
В нежной путанице ветвей...

V

Шапочным вышло знакомство —
Такая эпоха!
— Вы, — подсказала, —
На стройку ко мне приезжайте...
— Это неплохо, — сказал я, —
Не чуя подвоха, —
Как вас найду я?
— А вы, — говорит, — поспрошайте...

Утречком рано
Я выехал из «Соктахана»
(Как мне в гостинице этой жилось
По-домашнему просто!
Как говорилось
Под чай, за горячим стаканом,

И, разумеется,
 ради знакомства,
Под «по сто»...)

Я «поспрошал» —
И ответил мне сварщик несложно:
— А над тобою! —
И сам отвернулся культурно.
Тут и увидел я
На высоте невозможной
Клетку,
 прибитую ветром
К опоре ажурной...

Эй, крановщица!
Эгей, поднебесная птица!
Мне — не обняться,
Мне — словом с тобой обменяться!..
Как бы ко мне вам
Спуститься?
Или же мне к вам
Подняться?

Выпало мне...
(Я прошу вас: не лазьте на краны!)
— Здравствуйте! — вымолвил
И с удивлением замер:
Дымкой окутанный,
Мир открывался бескрайне
И воспарял,
Ограниченный лишь небесами...

— Что, непривычно? — спросила.
— Нет, просто отлично!..
Что-то, не помню, смущаясь,
Еще говорил я...

Было невзрачным
Ее оперение птичье,
Руки ж скользили
согласно,
Как легкие крылья.

Даже в спецовочке грубой
Была она хрупкой
В этом соседстве
С педалями и рычагами...
— Вы мне ответьте,
Воробышек или голубка,
Как же отныне с домашними быть
Очагами?

— Как с очагами? —
Она повторила, не глядя. —
С мужем — на стройке,
Потомка шкодливого — в ясли... —
И рассмеялась,
Тряхнув золотистой прядью:
— Ах, вы не бойтесь!
Очаг не от этого гаснет...

— Вы же, — сказал я, —
Подходите чисто практически!
Птица вздохнула:
— Давно не ходила на танцы я!..
И улыбнулась:
— Очаг-то у нас —
электрический!

Чтоб не погас,
вот и строю я
Электростанцию...

Вот озорница какая ты,
Птица-синица!
Солнце трудилось,
Разбуженный край украшая...
Что ей ответишь?
И мне оставалось проститься.
— Вы не заблудитесь?
— Нет, ничего. Поспрошаю...

VI

Мой критик, мой родной!
Приятель мой и душка!
Опять ты надо мной
Все с той же колотушкой.

Чем омрачен пастух,
Чей слух свирельно тонок?
Вновь резануло слух
Шипенье шестеренок?

Опять: «Иди учись,
Не выражайся грубо...»
А может быть, мне жизнь
Повыкрошила зубы?

Опять: «Зачем, болван,
Пренебрегаешь высью?
Спустился в котлован...
С какою глупой мыслью?»

Родимый, не бледней!
Сквозь грохот, гвалт и скрежет
Отсюда мне видней,
Как птица небо держит...

Побродим (рад помочь)
Средь чащи арматурной.
Смотри, какая мощь!
Как это все культурно!

Все остальное ложь...
А это же прелестно,
Когда на «как живешь?»
В ответ кричат: «Железно!»

Тут каждый знаменит,
Здесь дышит жизнь органно,
И, как струна, звенит
Трос башенного крана.

И, жесткий грунт кайля,
Я рядом с ними — крайний...
А где душа моя?
Во-о-н! Птахою на крапе.

VII

Вьется дорога шнурком от ботинка,
Бабочкой
на рукаве Тукурингры
Спит городок.
Бредит в ночи невидимка-плотина,
Только огни проступают пунктирно,
Как поясок.

Бредит она электрическим током,
Бродит луна в небесах одиноко —
Око из тьмы.
Бредит плотина средь сора и срама —
Та, что с тобой из житейского хлама
Склеили мы.

Ниже плотины — река обмелела,
Ниже плотины — любовь отболела...
И умерла?
Выше плотины — морская безбрежность,
Выше плотины — скорбящая нежность...
Не помогла.

Кто нам подскажет, какое решение?
Жить, уповаючи на воскрешенье
Или ко дну?
Веровать в то, что всегда неизменно,
Зная,
Что как это несовременно —
Быть на луну?..

Надо же было случиться такому!
Надо же было к чему-то простому
Чувства питать.
Мы же питали к тому, что витает,
А оказалось —
То воронов стая...
Что ж тут роптать.

Звезды колышутся
В медленной Зее —
Кто-то надеждою поле засеял —
Вдруг уродит?
А надо мной,
Над вершинами сопок,
Весело путая все гороскопы,
Спутник летит.

Что ж, загадаю на спутник летящий!
Что, непутевому, может быть слаще
Зова светил.

Вон на ладони пространства ночного
Линию жизни
Легко и рисково
Он прочертил.

VIII

Нас вверх по Зее уносил проворно
На крылышках подводных теплоход,
И странно было видеть, как упорно
Плотина погружалась в толщу вод.

И было как-то весело в салоне,
По-родственному, как рука в руке,
Как будто не в салоне, а на лоне
Природы, на роскошном берегу.

И над рекой, обросшие щетиной,
Свисали крутолобо берега,
И раздавалась в ширину теснина,
И, словно к устью, ширилась река.

Лети себе легко и безрассудно!
А там, за поворотом, впереди
Такая даль угадывалась смутно,
Что холодок покалывал в груди.

Но, возбужденный безрассудства хмелем,
Опасным ускорением крови,
Я все ж заметил: явно погрузтели
Веселые попутчики мои.

И мой сосед, смешливый и дотошный,
Что погрузился чуть навеселе,
Вдруг произнес: — Утопла Филимошка,
А я, брат, свадьбу справил в том селе...

Когда ж с разбега врезалась «Ракета»
В топляк плывущий бешеным крылом,
Я тоже отрезвел и незаметно
Настроился на мысли о былом.

И, вылезши по случаю починки
На палубу, увидел пред собой,
Как, словно вешки, лиственниц вершинки
Неслышно колыхались над водой.

Кружились на воде венки из пены...
И, призван с прошлым нить соединить,
Подумал я, что времечко пришло
Могилки дорогие посетить.

Как будто что-то — что, и сам не знаю —
В душе моей пошло наперекос.
А тут над ухом:

— Красота какая!..

Вдруг кто-то восхищенно произнес.

Я вздрогнул и откликнулся: — Не жалко? —
И на воде его качнулась тень.
— А мне-то что? Ни холодно, ни жарко...

И вправду был такой покойный день.

В такие дни незнобкие под осень
Покойников способно хоронить...
Не оживить, когда под корень скосит.
Чего нельзя, того не сохранить.

Не укротить потока бурной жизни!
И данный вид собою означал
Простор для созиданья и туризма,
Но и при этом — душу омрачал.

Понятно все, но я не из бетона,
Чтоб на дороге памяти лежать
Запрудю.

Я не могу без стона
Родимых в путь последний провожать!..

Как долго же листвянка, так щемяще
Махала вслед нам, виделась пока.
Как матери, навеки уходящей,
В напутствии прощальная рука...

IX

Что же ты разгрустился позорно,
Созидатель, поникнувший весь
Под «Магирусов» грохот мажорный
У фундамента станции Зейск?..

Написала жена его Настя:
Мол, неужто же думаешь ты,
Что сейчас вот для полного счастья
Не хватает мне лишь мерзлоты?..

Мерзлота голубела цветами,
И, сверкающая, как змея,
Вся поблескивая озерами,
Извиваясь, ползла колея.

Он сказал мне, ссутуливши плечи,
Озеро вымеряя прутом:
— Мерзлоту колесом покалечишь —
Не залечишь уже нипочем.

Не засыплешь потом, не замажешь,
Не насытишь утробу болот.

И не сам человечек, а даже
Стройка века в болота уйдет...

И открылось тогда мне впервые,
Что мерцают с худого лица
Синей болью глаза горевые,
Как мерзлотные те озерца...

А стояла такая погода —
В самый раз побродить босиком.
Бабье лето
 так щедро природу
Одаряло остатним теплом.

Мы бруснику по мшистому насту
Выбирали меж реденьких трав.
Отдавала брусника
 лекарством,
И казалось, что был он не прав...

X

Расположившись дружеским кругом
У пожитков нехитрых своих,
Уроженцы горячего юга
Открывали одну на троих.

Ну а я, на правах ротозея,
Ожидая машину на ГЭС,
— Что, ребята, вы тоже на Зею? —
Простодушно в заботы их влез.

Повернулись они, усмехнулись,
И один — до чего же оброс! —

— Мы-то с Зеей
уже разминутись, —
С неохотой большой произнес.

А потом — сорвались!
И сердито
Загалдели вдруг наперебой:
Дескать, хватит. Со стройкою квиты.
И — пора, ребятишки, домой...

С настроением явно подавленным
Слушал я — и чего так орут?
Уезжают ребята в Молдавию
(А на стройке б сказали «бегут»).

Расквитались ребята со стройкой,
Ты их, стройка, обратно не жди...
Ну а стройке подай
водостойких,
Потому что на стройке дожди.

И когда я осваивал кратер
В арматурной чащобе на дне,
Их слова,
как включенный вибратор,
Отдавались боляще во мне:

— И за эти-то гроши? Простите!..
Зея может простить, ей не в стыд.
Вы летите, ребята, летите.
Да Молдавия вас не простит.

Потому и жалею вас, зная,
Как она под великой грозой
Прикипела к амурскому краю
Несгорающим сердцем Лазо.

И поверьте — в смертельной пороше
Различая грядущие дни,
Видел он, извините, не «гроши» —
Гидростанции Зейской огни!

А словесная та перепалка
Не закончилась, чтоб — по рукам...
Не доспорили.

Так было жалко!

Жаль, что в разные стороны нам...

XI

Словно бы по отсчету кукушки,
По заказу, в назначенный срок,
Вдруг взошел на бетонной опушке
В красной шапочке этот грибок.

Как там люди усердно хлопочут!
И, заботой людскую храним,
Что-то он, несмышлениш, лопочет,
Только им и понятно одним.

Ну а мне из мороки житейской
Даже как-то представить невмочь,
Что в себе этот первенец зейский
Затаил богатырскую мощь.

И взойдя под руками рабочих,
Что и ласковы так, и сильны,
Вон — смотрите! — зажег огонечек,
Что заметен на карте страны...

Он работал легко и усердно.
Все же,
сквозь микропору подошв,

Достигая не разума — сердца,
Пробивалась неясная дрожь.

Видно, силы под ним водяные
Вымещали на лопастях злость.
Или были ремни
 приводные
На земную накинута ось?

Толку что — уповать на молитвы?!
Пусть вращается ротор быстрее!
Чтоб в искрящемся поле магнитном
Поле Родины стало щедрей!

**Мы еще убедимся воочию:
Выше нету его правоты.
Ведь не зря ж положительный очень
Сердце греет заряд доброты.**

Скажет скептик, мол, судишь огульно.
Но с чего же — средь зимнего дня! —
В десять веточек
 зейский багульник
Вдруг расцвел на столе у меня?..

XII

Гудел агрегат под нагрузкой,
Спешил к потребителям ток.
А в клубе по случаю «пуска»
От песен дрожал потолок.

Ах, праздник — для сердца подарок,
Светло окрыляющий нас!..

В волненьи
 электрогитара
Срывалась вдруг в электротранс.

А то барабан вдруг стаккато
Взрывался, забывшись в игре,
Как будто вся мощь агрегата
В его клокотала нутре.

Но вышла на сцену певица
(А голос пронзительно тих) —
Соседке моей,
 крановщице,
Поведать о бедах своих.

А вот уже — мастер пародий,
И следом за ним — плясуны...
Хохочет бетонщик напротив,
Хохочут его пацаны.

Давай, мол! Ладоней избитых
В награду не жалко ничуть!
Не жалко,
 коль в сердце избыток
Внезапно открывшихся чувств.

Пред номером оригинальным
Все замерли, восхищены...
То хохот накатит
 повальный,
То гулко — накат тишины.

Искусство сквозь чашу коллизий
Житейских
 способно промять

Тропинку, чтоб запросто сблизить
И в возрасте нас уравнивать.

Хотя и, лишённые позы
На этом параде утех,
Одни вот — смеются сквозь слезы,
Другие же — плачут сквозь смех.

Здесь клуб не для сборов подушных.
И, видно, большой жизнелюб
Значительно так и нескучно —
«Ровесник» — назвал этот клуб.

Как видно, народ здесь не пресный,
Коль вот, в назиданье другим,
Построил жилище
 для песни
С хорошим названьем таким.

XIII

Вот где
 вернуться мне нынче дано
К спору о славе...
А под ногами
 шуршит неземно
Смерзшийся гравий...
Спорили
 в поисках тайных глубин,
Артезианских...
Надвое фарами
 МАЗ разрубил
Мир марсианский.
Звезды,
 не зная земной маеты,
Смотрят лукаво.

И под какой —
догадаешься ты? —
Вызреет слава?
Вон,
обнажив мироздания каркас,
В темени скрытый,
Вспыхнула новая —
словно алмаз
Из кимберлита.
Ты ли причастен
этой звезде,
Зыбко манящей?..
Это работает
на высоте
Электросварщик.
В ночь подниматься
в морозную высь
Кто приневолил?..
Может быть, славы
загадочный смысл
Не в ореоле?
Что там в основе —
расчет или риск? —
Этого «смысла»?
Небо
в прожогах от сварочных брызг
Низко нависло.
Резок —
склонился над ним и ослеп! —
Нимб электрода...
Может быть, славе
простое, как хлеб,
Имя — Работа?
Может,
не ведая даже о том,

Денно и ночью

Слава

замешивает

бетон

Круто, чтоб — прочно?

Больно прикусывая губу

И некартинно —

Словно замешивает

судьбу

В тело плотины!

Можно ли жизнь свою

крепче связать

С делом достойным?!

Слава тебе,

если вправе сказать:

— Я ЭТО строил.

Чтоб на краю,

когда жизни — в обрез,

Думалось сладко,

Что воплотилась

в мощную ГЭС

Жизнь без остатка.

ПРЕДЗИМЪЕ

Твои цветы поотцветут...
Желто от листьев в переулках.
И скоро-скоро обретут
Лес — тишину,
Пространство — гулкость,

Когда способна тишина
Речь низвести до междометий,
Когда на жизни всей видна
Мгновенья тень в неброском свете,

Когда засохнет трын-трава
И не взойдет, как прежде, снова...
И давят на сердце слова
Всей тяжестью пережитого.

В. А. Шаврину

Как густо, стал я замечать,
Пошли страдальцы,
А раньше их пересчитать
Хватило б пальцев.

Я знал, страдалец если, то
На нем вериги,
А тут и шляпа, и пальто,
Под мышкой книги.

Ходил страдалец, облачась
Во власяницу,
А тут под солнцем на плечах
Кримплен лоснится.

Вон тот — такой подковы гнул
В былое время!
А как свалился вдруг на стул,
Ладонь на темя!

Кто человека обделил
Теплом и лаской?!.
Вздыхнул он — и заговорил
Вдруг... про Аляску!

Мол, мы в тепле, а каково
Там эскимосам?..
И в подтверждение сего
Он шмыгнул носом.

Другой взорвался в тишине:
— Больна эпоха!

И сразу стало ясно мне,
Что дело плохо.

Он свой диагноз подписал
Печальным жестом.
Но вдруг...

 за ухом почесал
Совсем не к месту —

Как будто греясь у огня,
Притом — с оглядкой.
И тут

 мелькнула у меня
Как бы догадка.

Мелькнула, словно у него
За ухом палец:
Ведь он не любит никого,
Мой друг-страдалец!

Тебе во всем,
 глобальный век,
Служа похвально,
Смог научиться человек
Страдать глобально!

Глобально, не по мелочам,
А как-то в целом
(Не так, чтоб мучась по ночам
В халате белом).

Он выше этого всего,
Добра поборник...
Его страдания
 его
Как раз и кормят!

Я до сих пор бы почитал
Его, страдальца,
Когда бы он не почесал
За ухом пальцем...

Памяти Н. И. Мамина

В то лето, такое дождливое,
Что я на глазах раскисал,
Какие же письма счастливые
Мне с севера друг писал!

Как будто приветы от ангела —
Голубенькие насквозь...
А жил он на острове Врангеля,
Где быть мне не довелось.

Там тундра мягка, как бархотка,
Там правит судьбой азарт,
И вместо людской барахолки —
Роскошный птичий базар.

Устав от трудов и памяти,
У кромки, где спят моржи,
Дрыхни,
на бивень мамонта
Голову положив.

И снова — и льды, и тундра,
Прекрасная без прикрас...
Ах, как ему, видно, трудно
Жить было среди нас!

А в общем-то было всякое,
Знать, выздоровел мой друг.
Но только
письма иссякли
Как-то внезапно, вдруг.

И жизнь показалась пресной,
И сковывал сердце страх...
Я после узнал из прессы,
Что друг мой погиб во льдах.

Как это звучало нелепо!
Затерло каким-то льдом
Его, кто и жестко, и слепо
Испытан был на излом?..

Где-то над льдами паковыми
Чайка его кружит...
А я его не оплакиваю,
Он был золотой мужик.

Тоскуя оленем по ягелю,
Я тоже вот, может стать,
Уеду на остров Врангеля,
Буду моржей считать...

Я брел домой увечно,
К родимому крыльцу.
И надо же, навстречу
И он — лицом к лицу!

Он по плечу ручищей
Прихлопнул в меру сил,
— Ну, как живешь, дружище? —
Участливо спросил.

Гляжу, спросил непраздно,
По имени назвал,
Как будто бы заглазно
Меня не мордовал.

Не приписал для встряски
И эшафот, и кнут.
А тут — смотри, как ласков!
А может, люди врут?..

А как живу? Как прежде.
Вот только, может быть,
Все реже стали нежить
И все большее бить.

А он — так несердито,
С участием к судьбе —
О битых и небитых
И дальше, и т. п.

И, оглушен налетом,
Я так соображал,

Что потому и бьет он,
Чтоб я подорожал.

А он: — Держись уверенней!
Ну, вот тебе рука...
И я совсем растерянно
Пробормотал: — Пока...

ДРУЗЬЯ

Когда мне плохо, я не понуждаю
И не прошу судьбу благоволить.
А я лицо

 в ладони погружаю —
С друзьями начинаю говорить.

«С самим собою говорить — как глупо!» —
Увидев, рассмеется ротозей...
Мои ладони сложены,
 как рупор,
И донесут мой голос до друзей!

Друзья мои рассеяны по свету —
И строят, и штурмуют небеса...
И надо только развернуть газету,
Чтобы друзей услышать голоса,

И ощутить вдруг:
 как они устали!
В мозолях руки, капельками пот...
И стыдно мне.

 И больше я не стану
Их отвлекать от мировых забот.

И вот бросаю... Что?
 Скулить бросаю!
И — легче жить, и думать веселей!..
Меня всегда спасало
 и спасает
Незримое присутствие друзей.

Наступила пора листопада,
Паутинная вяжется нить...
На отцовской могиле ограду
Время самое мне обновить.

Молотком проверяю штакетник,
Крашу краской его голубой...
Ну, так с чем же пришел ты,
наследник?
Что там тянется вслед за тобой?

Но о жизни не думая брэнной,
Вспоминаю, как, потен и тих,
Он любовно ошкуривал бревна
И на плахи разделявал их.

И любил о текущем моменте
Переброситься так, между дел.
А когда он точил инструменты,
Я точило за ручку вертел...

Почему-то запомнился очень
Этот серый вертящийся круг.
Этот пот, заливающий очи...
Вырывается ручка из рук!

И топор, и железка к рубанку...
«Привыкай!»

Ну, а я-то молчу.
Шевелю я беззвучно губами,
Проклинаю его и верчу.

Но — привык.

 Так привык, что поныне
Я нет-нет да почувствую вдруг:
Ломит руки, и горше полыни
Пот стекает, и — вертится круг!

И уже от него я завишу,
То он легок, то снова тяжел.
Только что на нем точат —
 не вижу,
Кто с какою «железкой» пришел...

Знать, отец, обучал ты умело,
Память словом я не оскверню.
И когда я дойду до предела
И последних коней загоню —

Не оплачу слезой неудачу,
А увижу, как есть молодой:
Солнце черное
 кругом наждачным —
И засаднит, засаднит ладонь...

О, мой собрат!

Земляк по дали дальней,
С печатью на челе провинциальной,
В столицу отмахавший тыщу верст!
Ты, выбравшись в столицу в кои веки,
— Ау! — кричишь. — Где люди-человеки?!
Я здесь... Вчера... Я вам стихи привез!

Прописан номинально в Переделкино,
Ты днями в колесе вертишься белкою:
Издательства, журналы, адреса...
— Иван Кузьмич! Меня вы не забыли?..
— Кузьма Иванович! Вы ж меня любили!..
По проводам несутся голоса.

Все правильно, и я пойму собрата.
Столица, может, тем и виновата,
Что, как сказал поэт, одна ж на всех.
— Тем более! — Меня отправят «к маме»,
Работая плечами и локтями...
И, слава богу, сам я не из тех.

И вот скажу: но все-таки, но все же
Есть нечто, что изданий всех дороже,
И честь, и гордость — выше всех приплат.
А что до споров: кто кого талантливей —
Талант всегда ведь сам себе — гарантия,
На чувстве правды держится талант.

На чувстве дня, его накатных ритмов
Пройдет волна, оставив, словно рифы,
Фундаменты домов, плотин, судьбы...

Пусть суетятся, пусть.

А мне не надо.

Я просто выйду утром за ограду
В пространство, что, как жизнь, без городьбы.

Оно не оккупировано дачами.
Там над водой печально ива плачется
Под искренние птичьи голоса.
И сосны переделкинские строго
Уходят ввысь — у них одна дорога,
И выше сосен — только небеса.

Какая мощь в стволах их колоннадных!
Они дарят мне хвойный дух отрадный,
Меж ними птичкой — дикий самолет...
А я войду в такой родной подлесок
И затеряюсь для людей и прессы,
И суета от сердца отойдет.

МОЛЧАНИЕ

Люблю молчанье с некоторых пор.

К молчанию влечет неодолимо.

Оно ко мне нисходит,

словно с гор

Прохлада в утомленную долину.

А тоже ведь — святая простота! —

Спешил излиться и врагу, и другу,

Так, что в душе зияла пустота,

Как в кружке, что прошла уже по кругу.

Но — наконец-то! — стал я замечать:

В душе скопилось под глухим покровом

То самое,

о чем могу молчать.

Что, может, и невыразимо словом...

Березник желт,
а клен калено красен,
Дубы закатным тронуты огнем...
Осенний лес печален и прекрасен
В контрастном разноцветии своем.

Подпалена листвы зеленой стая...
Но, словно увядание презрев,
Любое деревцо
 вдруг обретает
Свое лицо в содружестве дерев.

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

М. А. Соболю

Вновь прихожу к тебе,
Чита, с любовью давней...
По жизни,
 по судьбе —
Как свет в окне Чита мне.

Прости меня, прошу,
Прости, как древо — ветку,
Что редко приношу
Цветы на землю предков.

С ключей начнет ручей
Далекий путь до устья...
По родине ключей
Я — ручеек даурский.

Еще жива, свята,
Чалдонка, нехристь —
 мама...

Прими меня, Чита,
Родню по сути самой.

Прости ты мне, любя,
Что, торопясь по зову,
Достойного тебя
Не отыскал я слова.

Но я ведь не забыл,
Как ты пред целым светом
Дала мне чувство крыл
И нарекла поэтом.

Откуда было знать —
Не тем был озабочен, —
Что возвела
 не в знать,
А в сан чернорабочих?!

Мне твой завет хранить,
Не думая о славе...
И вправе ты казнить,
И миловать ты вправе.

Певуч песок.

И пригоршни распадков
Налиты звонким солнцем до краев.
А на реке
в своей лодчонке шаткой
У берега гортанно ульч поет.

Поет себе, с коленей руки свесив,
До отрешенья песней увлечен...
О чем она,
его большая песня?
О чем она?.. Да важно ли — о чем?!

Как солнцем пади,
ею он наполнен
И, может, сам не постигает слов.
Закрой глаза — и ты услышишь
полдень
И всплеск воды под медленным веслом.

О чем она?..
Но загудел в ней ветер,
И понеслись навстречу острова!
Слова журчат.
Слова — как за борт сети...
А может, песне
не нужны слова?

КУЗНЕЧИК

А. Плитченко

Речка в даль катила воду,
Немотой поражена.
С облаков на всю природу
Нисходила тишина.

Ни дыханья, ни шуршанья,
И сознательно тихи,
Не ворочали ушами
Над рекою лопухи.

Лишь по-прежнему беспечен,
Оттого, что слишком мал,
Непонятливый кузнечик
Что-то тонкое ковал.

И над чем он так старался?
Что усердно так творил?..
Я в тиши к нему подкрался
И ладошкою накрыл...

Кто толкнул меня на злое?!
Смолк кузнечик — и вокруг
Между небом и землею
Только сердца гулкий стук.

Как я мог решиться дико
На разбой средь бела дня?!
Если просто было тихо —
Глухо стало вокруг меня.

Словно б тот порядок вечен,
Чтоб и в полной тишине
Непременно
 жил кузнечик,
Будто солнце в вышине.

МЕНЬШИЙ БРАТ

Аннушке Кореневой

Настояла все же дочка
(А душа у нас мягка):
За наличные, в рассрочку
Приобрел я в дом щенка.

Вот придешь домой с работы —
Так и вьется, то-то рад!
И в душе оттает что-то...
Вот что значит — меньший брат!

Кособок, родня дворнягам,
Им, таким-то, несть числа.
Ты за стол, а он уж рядом,
В ожидании мосла.

Гонит слюнки (ну и глуп же!):
Подождем, мол. Ничего...
Но однажды я поглубже
Заглянул в глаза его.

А в глазах его лучистых
Уголечком тлела злость:
«До чего ж, собака, чисто
Он обглаживает кость!»

НЕНАСТЬЕ

Смыт горизонт, и солнца нет давно,
И мелко сеет дождик морозящий —
Он, словно подаяние просящий,
Скребется в листьях,
просится в окно.

Погодка — в пору б умереть с тоски,
Не будь бы мне доподлинно известно,
Что там, в лесу продрогшем,
повсеместно
Грибы сейчас привстали на носки.

И вот бредут, ножонки оголив,
Промокшим лесом, нахлобучив шляпки.
Их — хлебом не корми,
а дай пошляться,
Беспечным детям матери-земли.

СНЕГ

Анатолию Рыбочкину

Набирает век
Разбег
В микромир и в космогонию.
Скоро станет даже снег
Философской категорией.
Снег...
Шаги, шаги, шаги —
Точно всхлипы под ногами.
Не ногами б,
 а руками...
Поиграли бы в снежки!
Ах, игра,
 игра,
 игра
Не по пра-ви-лам!
А снежки в руках оплавлены
До плотности ядра.
Вон филолог — ну, чудак! —
Морщит лоб под шапкой лисьей.
Бьет
Синоним легкомыслия —
У филолога...
Синяк!
Физик (галстучек — флажком),
Озорно блестя очками,
Вдруг коллегу «прочеканил»
Ядрышком!
Снег — вода?
Ерунда!
Снег из свежести и света...

Председатель
Горсовета —
И в снежки... Вот это да!
Председатель — человек!

...Будет день надежд и споров.
А пока
На спящий город,
На двадцатый сложный век
Сыплет снег,
Просто — снег...

Приехал под родительскую крышу.
По-праздничному суется мать.
Стара уже.

Почти совсем не слышит,
А мне так много надо ей сказать.

Мне в кои веки этот час дарован
Наговориться с матерью своей!..
Кричу ей:

— Мама! Как твое здоровье?!
— Ага, коровье, — говорит, — испей.

И мне парного кружку подвигает:
— Ты с шанежками, знатно хороши...
И смотрит, смотрит,
горестно вздыхая,
Как пью. Как ем. В глаза мне.
В глубь души.

Да, словно в глубь души моей неясной
(Она и мне, как темный лес, — душа!)
Так солнышко
сияет сквозь ненастье,
Так летопись читают не спеша.

За все страданья божьей благодатью
Вдруг осенило на исходе дней —
Прозрение!

И все, как есть, видать ей,
И все понятно в черной книге ей.

И замкнут слух —

что в пустозвонстве глупом,

Когда священнодействует обряд!..

И скорбно шелестят сухие губы,

И что-то с дрожью руки говорят.

Ну, отстрелялись
и отголосили,
Закончилась проклятая война...
Но шла еще по матушке России
Последняя
убойная волна.

И докатилась...
Я поныне помню,
Как выскочил из дома сам не свой,
Когда неожиданно, резко
мякоть полдня
Рассек истошный голос ножевой.

Соседка наша...
Как же она билась
Безумно об ограду!
— Как мне жить!..
И рядом почтальонша суетилась,
К ней близко не решаясь подступить.

А день по-майски был такой погожий,
Кружилась в небе стая голубей.
И ввинчивался в небо крик:
— О, боже!
Зачем же так?! Убей меня, убей!..

...Вот кончится молчания минута,
Ракеты будут падать и кружить...
Но даже и победные салюты
Не в силах вдовьих криков заглушить.

Я саженец посадил в почву,
Присыпав, полил корешки.
Он в день прибавлял по листочку
(С моей — видно, легкой — руки).

А тут вот смотрю — занедужил,
А может быть, кто притоптал,
И, словно обвеянный стужей,
Совсем не по-детски роптал.

И вновь я полил под ним почву,
И к палке его привязал.
Как будто бы малую дочку
От тяжелой болезни спасал...

УТРО

Уже и звезды гасли неприметно,
Прорезывались избы, деревья,
И брезжили в душе моей рассветно
Простые, первобытные слова.

Уже от озера с названием Кизи
Туманом отходил глубокий сон.
Но все казалось, что в преддверьи жизни
Мир в чем-то главном не был завершен.

И, словно бы в ответ на эти мысли,
Раздался скрип негромкий в тишине —
И женщина
 с веселым коромыслом
Явилась миру спящему и мне.

Она ступала по-крестьянски мудро,
И плыли ведра, чуточку дрожа.
Приветливо и внятно:
— С добрым утром! —
Упало в утро каплею дождя.

И лик ее улыбка озарила —
О, да пребудет женщина в чести!
И все живое
 вдруг заговорило —
Вскричал петух, и дятел зачистил.

ВЫСОКИЙ ДЕНЬ

Л. А.

Метут снега,
 цветет сирень,
Судьба под листобоем...
Несу в душе
 Высокий День,
Подаренный тобою.

Когда смыкались облака
С минутой каждой гуще,
Он мне светил издалика
Сквозь чашу дней грядущих.

Когда обиды вещмешком
Оттягивали плечи,
Он мне призывным светлячком
Пульсировал навстречу.

Я знал. Я верил.
 Как в бреду,
Я шел к нему без тропок,
Как будто был он на роду
Предсказан гороскопом.

И над урочищем глухим
Его приход с востока
Мне возвестили петухи
На Пальвинской протоке.

Светлело небо между круч,
И солнышку пора бы!..
И вдоль протоки первый луч
Легко скользнул по ряби.

Дрожала трепетная нить —
Как будто в мир обманный
Светило

 не решалось всплыть
Без грамоты охранной.

Но День дыханьем овладел
И перешел в движенье!
Вот дрогнуло в густой воде
Земное отраженье.

И ветер тронул провода,
Как опытный настройщик,
И, с высотой не совладав,
Упала птица в рощу.

И в этот миг — знать, по всему
Явило утро милость —
Навстречу сердцу твоему
Мое
 заторопилось!

И все стремительней разбег,
Короче расстояние —
О, этот бег двух горных рек
К желанному слиянью!

Мир замер птицей на лету.
И оглушил округу
Звон капли,
 в чаще по листу
Ударившей упруго.

Он был — как будто неземной,
Неизъяснимо дивный,
Тот звон,
 открывший временной
Отсчет судьбы единой.

НЕПОГОДА

1

Неслышно желтым облетает лес,
Похмельно веки облаков набухли
И тяжело смыкаются над бухтой...
Лишь полоса восхода — как порез.

Как этот день аукнется в судьбе?
Не жалеюсь, такое время года...
«Какая между нами непогода!» —
С невольной болью я шепчу себе.

А непогода черно хмурит бровь,
Дожди кривые иссекли пространство...
Как просто было нам с тобой
расстаться.
Как нелегко соединиться вновь!

Простор бушует, гулом обуян...
Сквозь кутерьму дождя и листопада
Всей силой чувств к тебе пробиться надо —
О, сохрани мой голос, океан!

«Прости!» — шепчу. И чудится в ответ
Твое — «Прости...» — над сопками и падами.
Нелепая такая
телепатия...
А дождь идет, и теплохода — нет.

2

Меня дорога круто уносила
Сюда, где океанский бьет прибой, —

И отступало, и теряло силу
Все то, что разделяет нас с тобой.

Да, можно жить до тошноты резонно,
Но мы с тобою так бы не смогли.

А мы с тобой
потерей горизонта
Страдаем, словно в море корабли.

В плену скоропалительных решений
Нам ничего становится не жаль...
Слежу, как из туманных отношений
Земли и неба
вызревает даль.

Отбушевал свое и отстоялся
Мир грозовой — распахнуты пути.
В свои права вступает
постоянство,
И до тебя — лишь море перейти.

Такая ночь — потатчица врагу!
В ней даже море
дышит обреченно.
И сам я на пустынном берегу,
Как будто на глазах
с повязкой черной.
И все пути вперед затворены,
И ничего не видно на полшага...
Но вдруг откуда-то
со стороны
Ударил луч, стремительный, как шпага.
Помедлив чуть, рванулся напрямик,
Отточенный,
он перерезал косо
Густую ночь — и в тот же самый миг
Ударил в грудь гигантского утеса.
Отпрянув,
он медлительно пополз —
И всплесками по черному экрану
Прошли дома, причал,
горбатый мост —
И луч исчез, как будто в воду канул.
И гуще темень.
Только ей теперь
Сознание не хотело покориться.
Так чувствуешь в глухом подвале дверь,
Готовую
в любой момент открыться.

ПУСТЬ НАСТЕЖЬ ДВЕРЬ

Я берегусь закрытой,
Как порока!
Пусть настежь дверь,
Хотя бы потому,
Чтоб перешла через порог
Дорога
И подступила к сердцу моему.
Чтобы всю жизнь
Мне дом был —
Как привал
На полпути
К какой-то новой тайне, —
Я на старуху-смерть тогда
Плевал:
За мной ей не успеть,
А дома — не застанет.

Пусть настежь дверь,
Чтобы ударил в грудь
И опьянил
Веселый ветер странствий!
Мне будет легче так
Перешагнуть
Через твое, любимая,
«Останься...»

Когда уйду —
А я опять уйду! —
Пускай она останется открытой,
Чтоб свет ее
Сквозь дальнюю беду
Дошел ко мне
И стал моей защитой.

Пусть настежь дверь,
Чтобы в чужих краях,
Когда тоска незванная
Проснется,
Я видел бы любимую в дверях —
Прозрачную в лучах
И сердце — солнцем.
Чтоб сквозь туман
Ошибок и побед
Его горячий луч
Ко мне пробился,
Чтоб я в пути
Заветный видел свет —
И тосковал,
И к дому торопился!

* * *

Я пришел к тебе злой и неправый,
Как предчувствие черной беды,
Словно что-то во мне от отравы,
От ознобной осенней воды.

Что там было в ночи, за порогом?
Я не знаю, не помню, забыл.
Все, что было, то лучше не трогать...
Помню только — тебя я любил.

Белой вьюге не выстудить крова,
Где живет, неподвластное лжи,
Средь судьбы —
 милосердное слово...
Так скажи его — слышишь? — скажи!

Вот, кажется, уже и рассвело!
Бессонница, разбит...
О, как жестоко тяжело
Разлука нас казнит!

Как будто бы за тем и мчишь
От дома — не лови! —
Чтоб исповедаться в ночи
Пред алтарем любви...

Заря в окне —
 как отблеск бед,
Какой печальный час!
Как будто льется этот свет
Из выплаканных глаз.

Вот так мерцает в темноте
Рентгеновский экран:
Как жил в житейской суете?..
Не утаишь обман.

Как жил...
 По совести своей
И выгод не искал,
И от товарищей-друзей
Души не замыкал.

Их и в беде, и на пиру
Не обносил теплом...
Любовь
 стояла на ветру
В пальтишке продувном.

Меня проглатывала мгла
Сомнительных затей...
Любовь

ночами берегла
Покой моих детей.

Другим букеты слов дарить
Я не жалел порой!..
Любовь

умела оценить
Подснежник простой.

Что заслужил в своей судьбе?
Что скажут друг и враг?..
На днях услышал о себе:
— Он ничего... Добряк!

Когда судьба оставит пядь,
Чтоб жизнь испить до дна,
Мне суждено еще узнать,
Что скажет мне
ОНА...

Все вернется — позови...
Млечный вечер. Дебаркадер.
И к пристанищу любви
По реке бегущий катер.

Краток и неповторим
Близок миг, и ждет окрестность.
Только это тем, двоим,
Только им и неизвестно.

Равный жизни вспыхнет миг!
Слышишь — с губ слетело слово.
Или, может быть, родник
Так лепечет бестолково?

Это — сладкая беда,
Это — таинство истока.
И горячая звезда
Вспыхнет ярко и высоко...

Сердце в памяти хранит:
Ночь. Бревенчатый поселок...
Ах, как бешено пьянит
Воздуха осенний солод!

Крепкое пожатье рук,
Осознание единства
У излучины разлук
В утро, хрусткое, как льдинка.

Повернула вспять река,
День хороший, словно — «Здравствуй!»

(Солнце рукавом не застить
Ради света ночника!)

Снова будет, как тогда:
Над большой водой проточной
Женщина взмахнет платочком,
Чтоб вернуться навсегда.

Золото был паренек,
Стал паренек — муженек,
Как ни судите, а справный,
Только немножко забавный.

Взялся же — вот бестолков! —
Сеять редис и морковь.
Выросли ровным рядочком —
Сплошь! — голубые цветочки.

То-то ругалась жена!
То-то бранилась она!

Делал тележку себе,
Чтоб не таскать на себе,
Чтобы ходила нетряско...
Детская вышла коляска.

То-то ругалась жена!
То-то бранилась она!

С горя пошел он в продмаг
С жалобой: так, мол, и так.
К дому пришел сиротинка —
В правой руке четвертинка.

То-то ругалась жена!
То-то бранилась она!

Слышался крик до рассвета:
— Что ты мне скажешь на это?..
— Я от тебя ухожу,
Вот что на это скажу.

ОТТЕПЕЛЬ В ЯНВАРЕ

На ясную графику улиц
Зима напустила туман,
Так странно,
 как будто, сутулясь,
В булгаковскийходишь роман.

Осколком реальности бывшей
Проносится тень воробья,
Скрывается тополь,
 проплывший
В свои молодые края.

И можно понять лишь по скрипу,
По лаянью труб выхлопных,
Что жизнь торжествует сокрыто
За строем деревьев лепных.

В сумятице полунамеков
Мне заново все открывать
И снова у брезжащих окон
Тебя, незнакомую, ждать.

И там, в эпилоге чудачеств,
Дарующих легкость руки,
Все прошлое переиначить
И все развязать узелки.

Прекрасно!

 Да только — опасно.

И оком циклопа в упор
Сквозь морось туманную
 красный
Нацелен в меня светофор.

ПРЕДЗИМЬЕ

Так долго и нудно
Всю осень дожди полоскали,
Что верится трудно
Нежданно открывшейся дали.

Как воды покойны,
Что даже не чувствуешь мощи.
Дорогой окольной
Прошел катерок-перевозчик.

Из хаоса смуты
Предзимние выплыли льдины...
В такие минуты
Мы, видно, с природой едины.

А мир необыден,
В нем что-то знакомо и ново.
И кажется — выйдет
На пляж опустелый корова.

И воду со свистом
Потянет под мерные вздохи...
Опавшие листья —
Следы отступившей эпохи.

Такое затишье,
Глубокое до онеменья, —
Как будто стоишь ты,
На стыке стоишь поколений.

И люди все смуты
Часы меж собою сверяют...

Такие минуты
С утратами сердце смиряют,

Когда невозможно
Помыслить о злобе и мести.

Но можно

неложно

Подумать о долге и чести...

ЗАЛИВ ОПРИЧНИК

Когда в предветрии заря
Ложится на залив Опричник —
Впрямь что-то есть в его обличье
От стража грозного царя.

Как бы под кожей желваки,
Он перекачивает волны...
Междоусобицы и войны
Готовят тайные враги.

К расправам лютым и боям
Пребудет страж всегда готовым —
Ведь ничего,
 опричь худого
Не ждет опричник от бояр...

Залив, я здесь. Я не забыл, —
Жестокости твоей свидетель, —
Как ты однажды на рассвете
О скалы сейнерок разбил.

За что? Ответствуй!
 В бурной мгле
Искал защиты он, увечный...
Не отвечает
 со зловещей
Ухмылкой на крутом челе.

Он так живет — не укрощен,
Без угрызений, без боязни...

С былым

какой-то смутной связью

Я до глубины души смущен.

Сквозь сон до первых петухов

Залива слышать буду вздохи,

Как бы дыхание эпохи,

Придавленной пластом веков...

НОЧЬ НА АМУРЕ

А. Межирову

Воду черную морщина,
Теплоход легко бежит.
Мерно стучает машина,
Мелко палуба дрожит.

Звезды бродят в черной бездне
Среди облачных террас...
В третьем классе едут песни,
В первом классе — преферанс.

Это так несовременно,
Если в мире тишина,
Если рядом
откровенно
Первобытная страна.

Волн глухое лепетанье,
Древний выговор реки...
Здесь живут островитяне
Всем эпохам вопреки.

И в ночи собравшись кланом,
Важно судят о делах,
Упоительно и плавно
Няньча трубочки в губах.

Судят, головы морочат:
Дескать, трудно стало жить.
Утонула оморочка —
Надо бога ублажить.

О рыбалке, о погосте...
И особый грамотей
Все запишет на бересте
Рыбьей костью без затей.

Все как есть обсудит племя,
Отойдет ко сну народ...
Ночь, глубокая, как время,
Втягивает теплоход.

И проваливаясь в бездну,
В даль, сокрытую для глаз,
В третьем классе едут песни,
В первом классе — преферанс.

БРУСНИКА

Вот в тягость мне тяга возникла,
Хочу, да никак не пройдет —
И снится, и снится
 брусника
Которую ночь напролет.

Крутые бугристые склоны
Встают из тумана вдали,
Как будто большие ладони
Без устали щедрой земли.

Там грустные бродят медведи
В предчувствии скорой зимы...
И я ухожу на рассвете
От города и от жены.

Туда не пробито тропинки,
Там скалы обвалом грозят.
Брусничинки,
 точно кровинки,
На тоненьких ветках висят.

Так рады нежданному гостю,
Пришелся, видать, ко двору.
И радуясь,
 прямо из горсти
Бруснику губами беру.

А сок ее вяжет горчинкой —
Той, в радости малой горчинкой, —
И болен я ей, и здоров...

Порезал я палец травинкой —
И капает, капает кровь
На землю,
 на мокрые травы,
И надо порез залечить.
И капельки красной утраты
От ягод мне
 не отличить...

Загостился.

Уехать уж мне бы.

Но отъезд оказался непрост:

Вдруг подернулось мороком небо

И завыл над поселком норд-ост.

И спросил я у «волка морского»,

Мол, надолго ль такие дела?

— До закона, — ответил, — сухого,

Из гнилого, вишь, тянет угла...

Из гнилого...

А там над вершиной

Черный вихрь облаков колесил.

Точно к шабашу адской машиной

Дьявол черное тесто месил.

Что поделаешь? Парень-то сведущ...

Ну, а мать мне, подол теребя,

— Не горюй, — говорит, — ты уедешь.

Это мне горевать без тебя...

И еще, чтоб плохого не думал

И чтоб как-то облегчить мне путь,

Досказала:

— Уж как бы ни дул он,

Только солнышка ветру не сдуть.

По-старушечьи были наивны

Те слова...

Почему же тогда

В дни ненастья, под выюги и ливни

Снова слышу я их сквозь года?

Отчего берегу их отратно,
Если жизнь не подернута мглой?..
Может, есть и в судьбе нашей страдной —
Свой у каждого — «угол гнилой».

Неучтенный в конторе Госстраха,
Он такое готовит тебе,
Чтобы все, что достигнуто, — прахом,
Только дрогни — и крест на судьбе.

Чтобы холод твоей неудачи
До бесчувствия выстудил грудь...

Только б верить,
Стеная и плача,
В то, что солнышка ветру
Не сдуть!

Так всегда и бывает.

Но все же...

Скоро листья в лесу опадут.
Неспроста ведь гусиною кожей
Этим утром подернулся пруд.

Научи меня, лес опаленный:
Почему же, склоняя голову,
Не завидует

вечнозеленым

Березняк, растерявший листву?

Может быть, отвергающий зависть,
Он хотел бы уверить теперь
В том,

что право на светлую завязь
Невозможно без горьких потерь?..

Он потери в апреле оплатит
Сладким соком на белой щеке...
Вон бежит по-над берегом мальчик,
Тонкий прутик зажав в кулачке.

И трепещет в слепом озаренье
Желтый листик на встречном ветру...
Вопросительный знак

в оперенье —

Серый гусь на озябшем пруду.

Что происходит со мной
Этой стылой зимой?
(Даже деревья, стеная,
Под ветром не гнутся!)
Словно бы мир от меня
За стеклянной стеной —
Все, что люблю
И к чему так хочу
Прикоснуться.

Что происходит?
Не сам ли тому я виной?
Все выскальзывает,
И, падая, блюда не бьются.
Мимо несутся
И этот вот парень хмельной,
Женщина эта,
Лукаво успев улыбнуться.

Друг мой, не зная,
Что я уже — глухонемой,
Что-то кричит мне,
А я его вовсе не слышу...
Что там увиделось в дали,
Такой неземной?
Что там прояснилось
Неба холодного выше?

Все, что люблю,
Не избыл в себе,
Нет, не забыл —
Женщину, небо, детей, перелески,

Плотины ...
Может, за все,
Что всей жизнью,
Всей кровью любил,
Слишком уж дорого
Сердце мое заплатило?..

Что происходит
За лесом,
За дымною мглой
Дня заводского
И зова, такого простого?
Кто там, жестокий,
Алмазною режет иглой
Крышу стеклянную
Этого доброго крова?..

Уж не за тем ли,
Чтоб в этот пролом с высоты
К сердцу спланировал
Горько улыбчивый вестник,
Чтоб увести за собою
Туда, где цветы,
Даже цветы дорогие
Из кровельной жести?

Но ведь недаром я жил,
По-солдатски со всеми в строю,
Чтоб не достало,
Когда уже — не шелохнуться,
Сил,
Чтоб рвануться ко всем вам,
Кого я люблю,
Чтобы руками, губами,
Щекой прикоснуться!

Что должно, тому и случиться
По совести и по судьбе...
Придет ведь — и не постучится —
Та самая «гостья» к тебе.

Зачем ты подумал об ЭТОМ
Без повода и без причин?..
Как будто бы знобко средь лета
Повеяло с дальних вершин.

Но все же, чего же ты тужишь
На сжатой своей полосе?..
Других был не лучше — не хуже,
И все остальное — как всем.

И, сердцем совсем не жестоки,
Друзья в недоступной дали
Простят все твои экивоки,
Былые проступки твои.

Простят...

Но, как видно, не это
Встревожило сердце твое.
Не суть в том, что
«песенка спета»,
Запомнят ли люди ее?

СТАРИК И МОРЕ

Он море знал,
 как знают ветры — флюгер.
Всю жизнь, и проклиная, и любя,
Он отдавал ему, врагу и другу,
За каплей капля, самого себя.

Оно его — то к небу возносило,
То низвергало с пенной крутизны.
Хоть сердца в нем оно не укротило,
Но выветрило жизнь до белизны.

И — на прикол...
 Но каждый день, утрами
Он шел к нему, что кочерыжка сух,
И приседал у берега на камень,
И слушал, слушал, напрягая слух.

А море рядом громыхало грозно
И припадало, как щенок, к ногам.
А он сидел, покачиваясь. Слезы
Соленые
 стекали по щекам...

Уже больной,
 прикованный к кровати,
Когда, как говорится, все одно,
Кричал он в мир, забитый плотно ватой:
— Ну отворите ж, дьяволы, окно!..

И слушал море...
 Но однажды потом
Облился он — и, замерев на миг,

— Все... Не шумит... Не слышно...

Отработал, —

Сказал — и с этим отошел старик.

А море серебрилось, как полуда,

Не помышляя о добре и зле...

Вот до тех пор и живы мы,

покуда

Нас держит голос жизни на земле.

СОДЕРЖАНИЕ

ХРОНИКА ПАМЯТИ

Сторона дорогая моя...	9
«На первом всплеске вдохновенья...»	11
Помощник	12
«Какое веселье, бывало...»	14
Курок	16
«Детство — старое кино...»	18
«Коль музыка юному чаду...»	20
Девочка	22
Тянигус	24
«У кромки моря на кривом мысу...»	25
«Война в начале только...»	27
Сыны	28
Подмостки	30
«Ах, Петька...»	31
«Текли эвакуации...»	32
Черемуха	34
Хроника памяти	36
Танцы	40
Разговор	42
Плановик	43
Лейтенанты	45
Бира	47
Багульник	49
«Хорошо, как отстоится...»	53
«Мы попутчики. Мне незнаком...»	54
Ветеран	55
«Офицерский «подарочек...»	57
Одуванчик	58
«В ночь, беззвездную, как бездна...»	59
«Теряется юность в туманах...»	61

ЗЕМНАЯ ОСЬ

«Не покоя хочу...»	65
Мастер	66
В угольном разрезе	68
Ремесло	70
Сварщик	72
«Тоскуют руки по металлу...»	73
В рессорном цехе	74
Перевал	76
Мерная миля	78
Механик	80
«Столичный город побережий...»	82
Местный поезд	85
На стройке	87
«На все лады друзья острили...»	88
«Благоволит судьба нам временами...»	90
Камчатский рязанец	92
Из Чукотского дневника	94
Бухта Светлая	101
«Только встретились - надо прощаться...»	103
Звезды	105
«Мне кажется нестойкой тишина...»	108
Зейская тетрадь	109

ПРЕДЗИМЬЕ

«Твои цветы поотцветут...»	141
«Как густо, стал я замечать...»	142
«В то лето, такое дождливое...»	145
«Как скорбный дом...»	147
«Я брел домой увечно...»	148
Друзья	150
«Заступила пора листопада...»	151

«О, мой собрат!..»	153
Молчанье	155
«Березник желт...»	156
Признание в любви	157
«Певуч песок...»	159
Кузнечик	160
Меньший брат	162
Ненастье	163
Снег	164
«Приехал под родительскую крышу...» .	166
«Оказался я рядом в порту...» . . .	168
«Ну, отстрелялись...»	169
«Я саженец высадил в почву...» . . .	170
Утро	171
Высокий день	172
Непогода	175
«Такая ночь — потатчица врагу!...» .	177
Пусть настезь дверь	178
«Я пришел к тебе злой и неправый...» .	180
«Вот, кажется, уже и рассвело!..» . .	181
«Отвергну прощенье и жалость...» . .	183
«Все вернется — позови...»	184
«Золото был паренек...»	186
Оттепель в январе	187
Предзимье	188
Залив Опричник	190
Ночь на Амуре	192
Брусника	194
«Загостился. Уехать уж мне бы...» . .	196
«Так всегда и бывает...»	198
«Что происходит со мной...»	199
«Что должно, тому и случиться...» . .	201
Старик и море	202

Михаил Феофанович Асламов

ВЗГЛЯД

Зав. редакцией *Л. С. Овечкина*

Редактор *П. Н. Богоявленский*

Художник *Г. С. Палкин*

Художественный редактор

А. Н. Посохов

Технический редактор *Н. А. Лызова*

Корректоры

О. И. Бережнова, И. Н. Григорьева

ИБ № 397. Сдано в набор 12.07.79 г. Подписано к печати 29.10.79 г. ВЛ 14123. Бумага типографская № 1. Формат 70×90^{1/32}. Гарнитура литературная. Печать высокая. 7,60 усл. печ. л. 6,81 уч.-изд. л. Тираж 5000 экз. Заказ № 1727.

Цена 95 коп.

Хабаровское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Типография № 1 краевого управления издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Асламов М. Ф.

А 90 Взгляд. Стихи. Хабаровск, Кн. изд.,
1979.

208 с.

В поэтическую книгу, вышедшую к 50-летию М. Асламова, включены произведения разных лет. Это стихи о юности, о начале рабочей биографии, совпавшем с суровыми годами Великой Отечественной войны, о труде, составляющем основу жизни, «ось земли». Это размышления о нравственном облике советского человека.

А $\frac{70302-60}{M160(03)-79}$ 31-79.

470201200

ББК 47.2.1.2
Р2

95